НОО “ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА”

КУЛЬТУРНЫЕ ДИАЛОГИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЯЗЫКОВ, ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ИДЕЙ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ВАГАНОВА Е.Г., ВЛАВАЦКАЯ М.В.,
ДАНИЛОВА Ю.Ю., ИВЫГИНА А.А.

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Культурные диалоги в мировой литературе: переплетение языков, идентичностей и идей

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2023

УДК 61
ББК 5
К90

Главный редактор: Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель НОО «Профессиональная наука»

Технический редактор: Канаева Ю.О.

Рецензент:
Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

Авторы:
Ваганова Е.Г., Влавацкая М.В., Данилова Ю.Ю., Ивыгина А.А.

Культурные диалоги в мировой литературе: переплетение языков, идентичностей и идей [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 83 с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2023. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/monograph_201023.pdf. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'.

ISBN 978-1-4466-8905-9

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам предприятий, а также студентам, магистрантам и аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik, Canva.

© Авторский коллектив, 2023 г.

© Издательство НОО Профессиональная наука, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....5

Глава 1. Языковая личность: уровни лингводидактической модели 8

Глава 2. Моделирование лексико-фразеологического поля «любовь» в русском, английском и казахском языках: функционально-семантический и контрастивный аспекты 21

Глава 3. Архетипы как лингвистические маркеры этносоциокультурной самоидентификации автора 51

Заключение 73

Библиографический список.....74

Сведения об авторах 81

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Введение

На фоне современных вызовов, связанных с глобализацией и культурными контактами, роль литературы как источника культурного диалога и моста между различными языками и идентичностями становится особенно значимой. Настоящая коллективная монография, озаглавленная "Культурные диалоги в мировой литературе: переплетение языков, идентичностей и идей", представляет собой систематическое исследование феноменов культурного взаимодействия, а также их отражение в мировой литературе.

Авторы данной монографии вступают в диалог с многовековой традицией литературных исследований и, основываясь на современных теоретических и методологических подходах, предлагают читателю глубокое погружение в вопросы, касающиеся взаимодействия между языками, культурами и индивидуальными идентичностями.

Перед нами развертывается множество аспектов этой темы, начиная с рассмотрения языковой личности автора в контексте лингводидактической модели (Глава 1), продолжая исследованием лексико-фразеологических особенностей понятия "любовь" в русском, английском и казахском языках (Глава 2), и заканчивая анализом архетипов как лингвистических маркеров этносоциокультурной самоидентификации автора (Глава 3).

В первой главе автор рассматривает вопрос уровней лингводидактической модели языковой личности. Языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. Личности дифференцируются с учетом различных уровней языка и основных видов речевой деятельности, а также с учетом тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит коммуникация. В структуре языковой личности выделяют три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Базовыми концепциями языковой личности являются концепции Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, И. В. Сентенберг. Совокупная языковая личность – это обобщенный образ носителя языка. Языковой опыт такой личности базируется на опыте индивидуальных языковых личностей и отражается в речевой деятельности индивида.

Вторая глава посвящена построению лексико-фразеологического поля «Любовь» в русском, «Love» в английском и «Маххабат» в казахском

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

языках и выявлению в них универсальных, фреквентальных и идиоэтнических семантических характеристик. Исследование носит междисциплинарный характер и затрагивает такие направления, как структурная, когнитивная и контрастивная лингвистика, а также межкультурная коммуникация и лингвокультурология. Результаты исследования показали, что представления о любви во всех трех лингвокультурах являются преимущественно схожими. Однако были выявлены и национально-специфические характеристики, указывающие на уникальность каждой из рассматриваемой лингвокультур и дающие наглядное представление о ее фразеологической картине мира. Также было обнаружено, что проявление чувства ненависти во всех трех языках является более сильным, чем проявление чувства любви.

В третьей главе предметом исследования являются «свой – чужой» как архетипы общей дуальной модели в русской языковой картине мира и как этно-/социокультурные лингвистические коды самоидентификации личности автора-героя романа «На задворках распятой страны» Якова Иккеса. Авторами предпринимается попытка провести комплексный анализ бинарной оппозиции «свой – чужой» как фрагмента картины мира русского народа и сквозь призму данной оппозиции выявить универсальные и индивидуально-авторские ее языковые маркеры социально-политической и этнической самоидентификации представителя российских немцев. В целом нужно отметить обращенность современных ученых к проблеме российских немцев, в том числе сквозь призму социально обусловленного триединства «язык – культура – этнос», но в то же время необходимо понимать недостаточность изученности творчества российских немцев, важность комплексного лингвистического подхода к анализу их художественного наследия, вскрывающего, в частности, проблему их социокультурной и этнолингвокультурной самоидентификации. В ходе работы применялся метод комплексного анализа с использованием различных частных методов и приемов: метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, систематизация и описательный метод, которые в совокупности позволили представить роль «своего» и «чужого» в формировании мировоззрения русского народа и понимании индивидуально-авторской концепции Якова Иккеса, а также осуществить анализ универсальных и индивидуальных языковых маркеров обозначенной оппозиции.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют прийти к выводу о его теоретической значимости, заключающейся в возможности

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

использования материалов исследования в решении вопроса о способах и средствах самоидентификации российских немцев сквозь призму языка и культуры, и практической значимости, определяющейся возможностью использовать полученные результаты в исследованиях, выполненных в русле социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии.

Авторский коллектив:

Глава 1. Языковая личность: уровни лингводидактической модели (Ваганова Е.Г.)

Глава 2. Моделирование лексико-фразеологического поля «Любовь» в русском, английском и казахском языках: функционально-семантический и контрастивный аспекты (Влавацкая М.В.)

Глава 3. Архетипы как лингвистические маркеры этносоциокультурной самоидентификации автора (Ивыгина А.А., Данилова Ю. Ю.)

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Глава 1. Языковая личность: уровни лингводидактической модели

Языковая личность — совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью. Существуют разные подходы к изучению на языковой личности (ЯЛ) в различных областях научного знания. Представляется актуальным рассмотреть основные лингвистические концепции ЯЛ, поскольку, именно лингвистическое понимание ЯЛ является базовым для ее исследования в лингводидактическом аспекте[1].

В.В. Виноградов считает, что к языковой личности как задаче исследования, объекту изучения, и как исследовательскому приему можно прийти тремя путями: от психологии языка и речи, это путь психолингвистический, затем – от закономерностей научения языку, от лингводидактики, наконец, - от изучения языка художественной литературыпонимаемого в широким смысле, включая сюда и ораторскую речь [2].

Теория ЯЛ в ее своеобразном представлении разработана Ю.Н. Карауловым[3], именно он не только ввел в научный обиход понятие ЯЛ, но и разработал ее структуру. Она включает три уровня:

1) вербально-семантический, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком;
2) когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой ЯЛ в более или менее упорядоченную систематизированную картину мира, отражающего иерархию ценностей;
3) прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки и т.п. Этот уровень обеспечивает в анализе ЯЛ закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

[1] Ваганова Елена Геннадьевна. Возможности анализа языковой личности как структурного образования: лексический аспект [Текст] / Е.Г. Ваганова // Сибирский педагогический журнал № 6. Новосибирск, 2008. С. 148 – 154.

[2] Виноградов Виктор Владимирович. О языке художественной прозы: избр. тр. Москва: Наука, 1980. 360 с.

[3] Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Концепция Ю.Н. Караулова нашла свое отражение в исследованиях многих лингвистов, в частности, в концепции совокупной языковой личности, предложенной И.В. Сентенберг.

Термин «языковая личность» полисемантичен, и в этом, по мнению И.В. Сентенберг, есть свои преимущества, позволяющие рассматривать данный лингвистический концепт в разных аспектах и создать его целостную картину.

И.В. Сентенберг рассматривает ЯЛ *как обобщенный, совокупный образ носителя данного языка,* вводит понятие совокупная языковая личность (СЯЛ)[4]. Совокупная языковая личность тесно взаимодействует с индивидуальной языковой личностью, которая чувствует, мыслит, говорит, обращена к собеседнику. Коммуникативная личность как совокупный объект и индивидуальная языковая личность как конкретный носитель данного языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Языковой и речевой опыт совокупного носителя данного языка извлекается из опыта индивидуальных языковых личностей и, в свою очередь, базируется на опыте последних. С другой стороны, речевая деятельность индивида невозможна без опоры на языковой опыт и традиции социума. СЯЛ владеет единицами данного языка, их прагматическими, линейными связями, моделями образования и сочетания, правилами адаптации языковых единиц при построении высказывания, а также культурно-историческим опытом своего народа, свернутом в категориальных и субкатегориальных семантических признаках, в единицах языка и правилах оперирования последними в речевой деятельности. Она владеет также самой значимой частью общечеловеческого опыта (вещь, признак, одушевленность, неисчислимость, действие, состояние).

И.В. Сентенберг обращает внимание лишь на некоторые составляющие языковой способности, которые либо совсем не рассматривались в концепции Ю.Н. Караулова и его последователей, либо получили, по его мнению, недостаточное освещение.

Автор выделяет фонетический уровень способности языковой личности. Языковая способность применительно к данному уровню проявляется в умении языковой личности правильно стыковать звуки внутри слога, слоги внутри слова, объединять слова в ритмические группы, а последние – в синтагмы, правильно владеть каузацией (для решения коммуникативно-

[4] Сентенберг, Ираида Владимировна. Языковая личность в коммуникативно- деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14 – 24.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

прагматических задач), правильно, с учетом культуры и традиций говорящего коллектива, интонационно оформлять предложения.

Применительно к лексическому уровню И.В. Сентенберг представляется актуальным говорить о «межчастеречных» лексико-семантических полях. Наличие в сознании языковой личности подобных парадигмо-синтактических полей позволяет не только назвать предмет в целом, но и уточнить название, обозначить детали, а также, при необходимости, выразить чувство, эмоцию, оценку, создать образ.

Формирование языковой личности предполагает вооружение ее всем потенциалом лексико-семантического поля или большей его частью, иначе речь становится бедной, будничной, невыразительной.

Языковая личность коммуникативно ориентирована, что проявляется в ее способности построить сообщение, к адресату, участникам коммуникативной ситуации, а также обозначить свою роль в ней, выразить свое «Я», что дает возможность использовать наряду с термином «языковая личность» термин «коммуникативная личность». Одной из характеристик коммуникативной личности является полифункциональность.

Таблица 1

Совокупная языковая личность.

Совокупная языковая личность		
Познавательно-интерпретативная функция	Кумулятивно-репродуктивная функция	Креативная функция
Она связана с таким аспектом коммуникативной личности, как использование ее мировосприятия, сознания, знаний, опыта и способностей, а также владения языком для дальнейшего познания и освоения объективной действительности, для интерпретации и оценки познанных признаков новых предметов, событий, ситуаций, для градации данных признаков по степени их значимости в процессе коммуникации.	Предполагает воспроизведение в речевой деятельности языковых единиц, моделей их образования, их ассоциативных парадигматических связей, прецедентных текстов так, как это принято в норме (или нормах). Обеспечивает взаимопонимание между участниками коммуникации, для передачи новым поколениям языкового опыта, а также закрепленных в языке социальных норм поведения, традиций, общественно-исторического опыта своего народа, основных знаний и культурных ценностей, накопленных обществом в целом.	Она заключается в том, что СЯЛ владеет семантическими правилами, позволяющими творчески адаптировать слово, словосочетание, категорию для выражения актуального смысла, а также декодировать последний

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Важно отметить, что СЯЛ владеет типами речевых актов, стратификационной моделью языка, его когнитивными и экспрессивными средствами, формулами установления речевого контакта, этикетными правилами, системой статусных отношений в культуре социума, а также паралингвистическими и невербальными средствами коммуникации, которые могут «накладываться» на речевой акт, сопровождать последний или полностью замещать его. Из сказанного выше можно сделать вывод, что СЯЛ может быть охарактеризована в разных содержательных и функциональных аспектах, образующих систему и дающих представление о ее ценности. Не менее важный вывод заключается в том, что нельзя изучать язык и его ярусы без учета речевой деятельности, речевых актов, функций и аспектов совокупной языковой личности. Черты СЯЛ проявляются в языке, в речевой деятельности и в речевых актах, а последние невозможны без индивидуальной языковой личности, с помощью которой и проявляется «человеческий фактор в языке» [5].

Принимая во внимание тот факт, что у понятия «языковая личность» существуют близкие по значению термины, отметим, что в настоящем исследовании мы отдает предпочтению термину «языковая личность», а близкие по значению слова рассматриваем как варианты, созданные исследователями в целях отражения в понятийном аппарате граней проявления личности или аспектов ее изучения.

В лингводидактическом рассмотрении ЯЛ предстает как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны – по уровням языка, т.е. по фонетике, лексике и грамматике. Лингводидактическое представление языковой личности отличается двумя особенностями:

1. Языковая личность предстает в этом случае как homo loquens, а сама способность пользоваться языком – как родовое свойство человека (вида homo sapiens). Естественно, что структура и содержание языковой личности в таком представлении оказывается безразличными к национальным особенностям языка, которыми эта личность пользуется.

[5] Сентенберг, Ираида Владимировна. Языковая личность в коммуникативно- деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14 – 24.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Лингводидактика, ориентируясь на генезис языковой личности, отдает предпочтение синтезу перед анализом, тогда как изучение языка художественной литературы представляет, по мнению В.В. Виноградова, широкие возможности для анализа языковой личности [6].

Необходимо отметить, что В.В. Виноградов в реконструкции языковой личности основывался главным образом на говорении. Ю.Н. Караулов же считает, что не лишним будет включить аудирование, слушание и восприятие чужой речи.

По мнению Ю.Н. Караулова, в более явном виде выход на проблематику языковой личности осуществляется в рамках лингводидактики. Лингводидактика во все времена строилась с учетом последних достижений психологии, видя свою задачу в психологическом «обеспечении» условий усвоения родного или чужого языка и ставя этот процесс в связь со становлением и развитием личности. Однако исходным в лингводидактических построениях были данные именно о языке, которые препарировались в соответствии с представлениями о психологических особенностях личности, а вовсе не сама личность и тем более не языковая личность. Но к настоящему времени в лингводидактике накоплены значительные данные, обобщен опыт преподавания языка. Это позволяет говорить трех способах представления языковой личности, на которые ориентировано лингводидактическое описание языка.

Первый исходит из трехуровневой организации (состоящей из вербально-семантического, или структурно-системного, лингвокогнитивного, или тезаурусного, и мотивационного уровней) языковой личности.

Второй опирается на совокупность умений (готовностей), языковой личности к осуществлению различных видов речемыслительной деятельности и исполнению разного рода коммуникативных ролей.

Третий представляет собой попытку воссоздания языковой личности в трехмерном пространстве на основании а) данных об уровневой структуре языка; б) типов речевой деятельности; в) степеней овладения языком.

Необходимо отметить, что лишь последний способ является объектом специальной достаточно последовательной разработки, тогда как два других для целостной своей характеристики требуют реконструкции из рассыпанных в разных работах фрагментов, определенной достройки и синтеза.

[6] Виноградов, Виктор Владимирович. О языке художественной прозы: избр. тр. Москва: Наука, 1980. 360 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

В современной науке интеллектуальные характеристики языковой личности не только приобретают главенствующее значение, но и определенным образом абсолютизируются. В работах лингвистов, которые исследуют феномен языковой личности, утверждается, что «на уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможности для проявления индивидуальности» [7], следовательно, общение на этом уровне « не относится к компетенции языковой личности, общение на уровне «как пройти», «где достали», «работает ли почта», так же, как умение правильно выбрать вариант – «туристский» или «туристический» - не относятся к компетенции языковой личности. …Следовательно, языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, а ее тезаурусе» [8].

По мнению Л.П. Клобуковой, эта схема (при всей ее значимости для нужд теоретической лингвистики) не работает для теории и практики обучения языку. Это происходит потому, что все три названных уровня структуры языковой личности для лингводидактики неразделимы. Они присутствуют в нашем методическом сознании в комплексе и с самого начала процесса обучения. По-видимому, корректнее было бы говорить не об уровнях в структуре языковой личности, а об аспектах в анализе языковой личности и описании её компонентов.

Далее автор пишет, что выражение «уровни структуры языковой личности» предполагает, что языковая личность может находиться на одном каком-то уровне, последовательно перемещаться с одного уровня на другой. Л.П. Клобукова не соглашается с данным утверждением. Вопрос «Как пройти?», по мнению автора, - это коммуникация в сфере обиходного общения, это коммуникация с какой-то целью, для реализации какой-то потребности. Но ведь и сферы, и потребности, и мотивы – это уже обращение к третьему, в терминологии Ю. Н. Караулова, уровню [9].

Здесь позиции лингвистики и лингводидактики существенно расходятся. Когда речь идет об изучении неродного языка, данный уровень (так называемый нулевой), составляя важный этап формирования языковой

[7] Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.
[8] Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.
[9] Клобукова, Любовь Павловна. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / / Язык, сознание, коммуникация/. М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

личности, с неизбежностью попадает в поле зрения ее исследователя. Поэтому обращение к проблеме языковой личности с позиций лингводидактики позволяет сомневаться в справедливости тезиса о том, что «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы». Ведь при таком подходе придется признать, что человек в рамках определенных сфер и ситуаций речевого общения не является языковой личностью (вспомним тезис о том, что «общение «как пройти», «где достали», «работает ли почта»… не относится к компетенции языковой личности»). Здесь можно задать еще один вопрос, а чему вообще противопоставлен феномен «языковая личность»? – «неязыковой личности»?

Разрешению данной антиномии, по мнению Л.П. Клобуковой, могло бы способствовать определенное развитие понятия «языковая личность». Автор предлагает наряду с термином «языковая личность» ввести и использовать термин «речевая личность».

В соответствии с данной концепцией любая ЯЛ *представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны – с учетом основных видов речевой деятельности, а с третьей – с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение* [10].

Последний параметр представляется чрезвычайно важным для изучения феномена языковой личности в свете лингводидактики. Сеть взаимодействий, обусловленная существованием устной и письменной форм русского литературного языка, а также наличием книжных и разговорных средств в языке, предопределяет существование бесконечного числа конкретных языковых личностей – участников процесса обучения речевой коммуникации – и значительное число речевых личностей в рамках единой языковой личности.

Использование говорящим – языковой личностью - разных языковых подсистем обусловлено ситуациями общения. И вот это различие языковой личностью разных языковых кодов, способность переключения с одного кода на другой в зависимости от ситуаций общения, готовность пользоваться разными подсистемами внутри одного языка и обусловливает

[10] Клобукова, Любовь Павловна. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / / Язык, сознание, коммуникация/. М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

комбинаторику различных речевых личностей в рамках единой языковой личности.

Возвращаясь к лингвистическому представлению ЯЛ, отметим, что по мнению Ю.Н. Караулова, концепция трехуровневого устройства ЯЛ определенным образом коррелирует с тремя сторонами процесса общения (коммуникативной, интерактивной, перцептивной).

Карауловские идеи нашли свое развитие в работах многих исследователей, занимающихся теорией ЯЛ, следовательно, современное представление о структуре ЯЛ базируются именно на идеях, предложенных Ю.Н. Карауловым [11]. Рассмотрим структуру ЯЛ подробнее.

Вербально-семантический уровень личности

Определенный Ю.Н. Карауловым как *уровень нормального владения языком (УВЯ)*, этот уровень неоднороден. Нормальный УВЯ может рассматриваться:

1) Как явление чисто лингвистическое, понимаемое, по крайней мере, в трех направлениях:

   а) регламентирующе-регулирующая функция нормы по отношению к конкретным языковым единицам и речевым фактам из сферы литературного языка;

   б) функционально-стилевой аспект нормы, предполагающий рассмотрение и установление известных регламентаций в использовании языковых единиц в рамках того или иного стиля, а также принципы организации композиционно-речевой структуры соответствующих текстов;

   в) норма как общий принцип построения литературных текстов и организации языкового материала в них;

2) Речь может идти об уровне, нормальном, достаточном для осуществления коммуникации в определенных сферах общения. Если принять во внимание, что «сферы общения – это зоны коммуникации, которые существенно различаются по мотивам, целям, содержанию, формам и языковым средствам осуществления речевой деятельности»[12], то уже можно отметить, что речь в реальности может идти о нормальном владении языком именно на уровне речевой личности, реализующей себя в некотором наборе профессиональных сфер общения, необходимом для ее осуществления в данной социокультурной среде.

[11] Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.

[12] Изаренков, Дмитрий Иванович. Обучение диалогической речи. Русский язык 1981г. 136 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Это понимание во многом соотносится с более широким рассмотрением понятия «норма» (как явления коммуникативно-прагматического): языковая норма может быть определена как комплекс представлений носителя данного языка о том, какие языковые и речевые формы в различных коммуникативных ситуациях являются наиболее адекватными для осуществления интенций говорящего. При таком понимании нормального владения языком устанавливается четкая взаимосвязь вербально-семантического уровня с другими составляющими структуры ЯЛ [13].

Когнитивный уровень

К этому уровню относится определенная, национально-специфическая совокупность понятий, идей, концептов, складывающихся в некоторую картину мира, присвоенную личностью в данной социокультурной среде и реализуемую личностью в речевом общении. В связи с рассмотрением подобных вопросов в научный обиход было введено понятие «когнитивное пространство», которое представляет собой определенным образом структурированную совокупность всех знаний и представлений, присущих а) конкретной ЯЛ, либо б) тому или иному социуму (коллективное когнитивное пространство).

Соответственно, вводится и понятие единиц такого пространства – когнитивных структур, которые обеспечивают реализацию коммуникативных потребностей личности в определенной социокультурной общности. Под когнитивными структурами понимается некая форма кодировки и хранения информации [14].

Прагматический уровень

К прагматическому уровню относятся, во-первых, национально-детерминированные (при всей их межкультурной релевантности) принципы, конвенции, стратегии и правила общения. Во-вторых, эти правила реализуются на базе прагматических пресуппозиций, включающих национально определенный набор общих фоновых знаний, в том числе и представлений о контексте. Третьим вектором прагматического уровня можно считать национально детерминированные ценностные характеристики прагматического контекста.

[13] Прохоров, Юрий Евгеньевич. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст]: монография / Ю.Е. Прохоров. - М.: Педагогика-Пресс, 1996. - 215 с.

[14] Прохоров, Юрий Евгеньевич. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст]: монография / Ю.Е. Прохоров. - М.: Педагогика-Пресс, 1996. - 215 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Многие исследования представляют собой лексические представления ЯЛ, так как авторы подвергают анализу лишь тезаурус ЯЛ, что соответствует лингвокогнитивному уровню в модели ЯЛ Ю.Н. Караулова. В качестве примера того, что данная модель может быть использована при анализе конкретной ЯЛ, приведем исследование Л.А. Каракуц-Бородиной «Языковая личность Вл. Набокова как автора художественного текста: лексический аспект». Автор отмечает, что при таком анализе возникают трудности, связанные со спецификой художественной коммуникации, а именно разнесенностью коммуникантов во времени и пространстве, известной дистанцией между биографическим и внутритекстовым автором[15]. Исследователь утверждает, что с опорой на литературоведческую и биографическую информацию можно определить эту дистанцию, сделать поправку на нее и рассмотреть ЯЛ автора художественного текста в рамках трехуровневой модели Ю.Н. Караулова [16].

Обратимся к основополагающей лингводидактической концепции ЯЛ Г.И. Богина. В соответствии с данной концепцией языковая личность является трехмерным образованием, может быть представлена в виде модели, имеющей параметрическую структуру. Структурная модель ЯЛ может быть полезна при конструировании рациональных учебных программ, ориентированных как на относительно полное, так и на заведомо неполное владение языком. Описание ЯЛ в виде параметрической модели опирается на три аксиомы:

1. Язык включает фонетическую, лексическую и грамматическую стороны (с соответствующей им семантикой).
2. Пользуясь языком, человек либо говорит, либо слушает, либо пишет, либо читает, либо совмещает эти действия.
3. Развитие ЯЛ может быть большим или меньшим, лучшим или худшим, и эти различия можно представить в форме дискретных уровней.

Необходимо отметить, что, хотя ни один исследователь не дал последовательного перечня уровней развития речевой способности, речевой стороны развития личности, все же идея последовательного развития от уровня к уровню развивалась и вне лингвистики так, что можно проследить все те же уровни: ЯЛ (1), *овладев принятыми в обществе высокочастотными средствами прямой номинации*, переходит к (2) *интериоризации речи*, что

[15] Каракуц-Бородина, Любовь Анатольевна. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста : Учеб. пособие по спецкурсу / Л. А. Каракуц-Бородина ; М-во образования Рос. Федерации, Башк. гос. ун-т. - Уфа : БашГУ, 2003. - 191 с.

[16] Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

открывает ей путь к (3) *лексико-грамматическому многознанию* и, далее, к (4) *своеобразной свободе в выборе средств выражения из множества потенциальных субституентов.* Достижение этой свободы позволяет развитой ЯЛ (5) *оперировать целым текстом таким образом, чтобы форма текста оптимально рефлектировалась в содержании, выступала как «содержательная форма»* [17].

Г.И. Богин отмечает, что одна из важнейших задач построения параметрической модели – определить уровни развития ЯЛ. Исследователь выделяет пять уровней:

1. Уровень правильности.
2. Уровень интериоризации.
3. Уровень насыщенности.
4. Уровень адекватного выбора.
5. Уровень адекватного синтеза.

Следует обратить внимание на то, что каждый уровень характеризуют присущие только ему ошибки и типичные недостатки речевых поступков языковой личности. Приведем примеры этих недостатков и отнесем их к уровням ЯЛ. Последовательность ряда уровней основана на том, что при наличии недостатков, относящихся к низшему по номеру уровню, не бывает ни похвал, ни критики в адрес каждого из вышележащих уровней.

1. Уровень правильности критикуется по формуле «Он русского языка не знает». Требование оценивающего таково: «Пользуясь языком, надо пользоваться именно данным языком с его элементарными правилами».
2. Уровень интериоризации критикуется по формуле типа «Он еще говорить как следует не научился». Здесь недостатком является замедление в передаче информации, связанное с недостаточно интериоризированным планом речевого поступка. Поэтому речевой поступок нерационально, недостаточно целесообразно протекает во времени и не имеет рациональной соотнесенности с необходимыми обобщениями.
3. Уровень насыщенности критикуется по формуле «У него бедная речь». Недостатки на этом уровне связаны с использованием «богатства языка».

[17] Богин, Георгий Исаевич. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - JL, 1984.-31 с. 54.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

4. Уровень адекватного выбора критикуется по формулам типа «Он не те слова говорит».
5. Например, один из собеседников говорит «Вчера шествую в баню…». Другой собеседник критикует первого за «неправильное употребление» слова «шествовать». «Оценщик», разобравшись в ситуации, говорит о втором собеседнике, что тот «шуток не понимает». Таким образом, критикуется адекватность выбора единиц речевой цепи. Причем предметом оценок адекватности выбора бывает, как правило, не целый текст, а одно предложение.
6. Уровень адекватного синтеза критикуется по формулам типа «Говорит-то он то, да получается что-то не то». Возможная неадекватность заключается в том, что один из участников диалога не соблюдает «тональность», заданную первым собеседником. Этот уровень развития ЯЛ включает достижения и недостатки в производстве или в синтетическом восприятии целого текста со всем сложнейшим комплексом как присущих ему средств коммуникации предметного содержания, так и присущих ему средств выражения духовного содержания личности самого коммуниканта [18].

Таким образом, все недостатки и достижения речевых поступков распределяются по названным пяти уровням.

Исходную модель в концепции Г.И. Богина можно назвать идеальной, но следует отметить, что эта модель, по замечанию автора, является лингводидактической и строится как иерархия уровней развития языковой личности.

Итак, данная модель представляется как трехмерное образование на пересечении трех осей:

1) уровни языковой структуры;
2) уровни владения языком;
3) виды речевой деятельности.

Ценность данной модели заключается в возможности представить ЯЛ в динамике и обозримо, но она страдает от своей глобальности и универсальности, так как применима к любой ЯЛ независимо от национальной специфики языка, независимо родной это язык или изучаемый.

[18] Богин, Георгий Исаевич. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - JL, 1984.-31 с. 54.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

В основе лингвометодической модели ЯЛ лежит подход, для которого существенно то, что результат развития готовности производить речевые поступки, создавать и принимать сообщения может быть описан в упорядоченной форме.

Построение лингводидактической модели у Г.И. Богина сопровождается следующими условиями:

1. ЯЛ трактуется как структура.
2. Язык трактуется как субстрат этой структуры.
3. Уровни модели ЯЛ не совпадают с уровнями модели языка.

Таким образом, особенность лингводидактической модели заключается в том, что, соединяя данные об устройстве языка, о языковой структуре с видами речевой деятельности (в этой части она совпадает с другими подходами), данная модель представляет языковую личность в ее развитии, становлении, в ее движении от одного уровня владения языком к другому, более высокому. Данная модель не может быть охарактеризована как онтогенетическая, поскольку речь идет не только о ребенке, но и о взрослой личности, совершенствующей свое знание языка. Важной особенностью лингводидактической модели является введение уровней владения языком.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Глава 2. Моделирование лексико-фразеологического поля «Любовь» в русском, английском и казахском языках: функционально-семантический и контрастивный аспекты

Введение

Богатство и красота языка отражают историю и культурное развитие народа. С помощью языка можно определить национально-культурную составляющую, а также те изменения, которые происходили на протяжении всей истории развития этнического сообщества. Одним из ярких элементов лексической подсистемы языка, с помощью которого возможно отследить изменения в национальном сознании того или иного народа, являются фразеологизмы, отражающие идиоэтнические особенности и в полной мере обогащающие речь. Принято считать, что фразеологизмы являются украшением языка, однако нужно констатировать, что в современном мире употребление фразеологизмов значительно сократилось – их в значительной степени заменили заимствования из других языков, прежде всего английского, а также интернет-сленг.

Актуальность данного исследования обусловлена неослабевающим интересом исследователей к идиоэтнической специфике семантики фразеологических единиц в разных языках, а также их контрастивное изучение.

Целью данного исследования является моделирование лексико-фразеологического поля «Любовь» в русском, «Love» в английском и «Маххабат» в казахском языках и выявление в соответствующих фразеологических единицах этих языков универсальных, фреквентальных и идиоэтнических семантических признаков.

Для достижения цели необходимо: описать понятия «фразеологическая единица» и «идиома»; выявить их характерные признаки; рассмотреть существующие классификации фразеологических единиц; изучить методики построения лексико-фразеологического поля и смоделировать ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат»; провести контрастивный анализ фразеологических единиц ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат» и выявить в них универсальные, фреквентальные и идиоэтнические семантические характеристики.

В работе использованы методы дефиниционного, семемного и семного анализа, этимологический комментарий, моделирование при построении ЛФП, контрастивный анализ в целях выявления идиоэтнических,

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

фреквентальных и универсальных семантических признаков фразеологических единиц трех языков, а также приём сплошной выборки.

Теоретическая база исследования основывается на работах в области:

- фразеологии русского языка В. В. Виноградова[19], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова[20], В. П. Жукова[21], В. Н. Телии[22], Н. М. Шанского[23] и др.;
- фразеологии английского языка А. В. Кунина[24], А. И. Контанистовой[25], Т. Н. Федуленковой[26], D. Bolinger[27], A. Makkai[28], L.P. Smith[29], J. Seidl & W. McMordie[30] и др.;
- фразеологии казахского языка С. С. Смагуловой[31], Р. Д. Карымсаковой и Г. Н. Смагуловой[32] А. Т. Кайдарова и С. К. Сатеновой[33], Ә. Болғанбаева и Ғ. Қалиева,[34] Н. М. Уәлиева[35] и др.;
- семантического моделирования А. В. Бондарко[36], З. Д. Поповой, И. А. Стернина и Е.И. Беляевой[37], Г. С. Щура[38], J. Trier[39] и др.;

[19] Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
[20] Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.
[21] Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986.
[22] Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Школа «Языки русской культуры», 1986.
[23] Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1985.
[24] Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970.
[25] Контанистова А. И. Семантические особенности идиом с цветовым компонентом в деловой фразеологии английского языка // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2023. № 3.
[26] Fedulenkova T. N. Pragmatic functions of modern English Phraseology // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. №2.
[27] Bolinger D. Degree words. The Hague-Paris, 1972.
[28] Makkai. A. Idiom Structure in English. The Hague, 1987.
[29] Smith L. P. Phraseology of the English Language. M.: 1998.
[30] Seidl J., McMordie W. English Idioms. 5th edition. Oxford University Press, 1988.
[31] Смагулова С. С. Тип языковой политики в Казахстане. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003.
[32] Карымсакова Р. Д., Смагулова Г. Н. Казахский язык. Страноведение через фразеологизмы. Алматы: Ж1бек жолы, 1997.
[33] Кайдаров А. Т., Сатенова С. К. Компаративные фразеологизмы, связанные со скотоводством, в казахском языке. Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1989. № 4.
[34] Болғанбаев Ә., Қалиев Ғ. Қазіргі қазақ тілінің лексикологиясы мен фразеологиясы. Алматы: Дәуір, 2003.
[35] Уәлиев Н. М. Фразеология және тілдік норма. Алматы: РБК, 1999.
[36] Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос.
академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
[37] Попова З.Д., Стернин И.А., Беляева Е.И. Полевые структуры в системе языка: монография; под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989.
[38] Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
[39] Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld. – Mannheim; Zürich, 1968.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

– контрастивной лингвистики В. Г. Гака[40], И. А. Стернина[41], И. А. Стернина и Т.А. Чубур[42] и контрастивной фразеологии К. Р. Абдукаримовой[43], К. Р. Абдукаримовой и М. В. Влавацкой[44], А. Д. Амина и Г. Г. Абдиловой[45], С. Е. Исабекова[46] и т.д.

Практическая значимость заключается том, что результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы в преподавании таких вузовских дисциплин, как межкультурная коммуникация, лингвокультурология и контрастивная лексикология.

Материалом исследования являются русские, английские и казахские фразеологические единицы с семантикой отражения в них чувства любви, выявленные при помощи сплошной выборки из фразеологических словарей русского, английского[47], казахского языков[48] и интернет-ресурсов[49]. Всего было отобрано более 200 фразеологических единиц трех языков.

1. Специфика фразеологических единиц и их типология

Сегодня в лингвистике главенствует антропоцентрическое направление исследований, в рамках которого рассматривается роль человека в мире, а также, как эта роль отражается в языке – его лексике и фразеологии. В последнее десятилетие особую актуальность приобрели исследования в рамках когнитивной лингвистики – это касается моделирования репрезентированных фразеологическими единицами концептов, применения теории фреймов для анализа формирования фразеологической семантики,

[40] Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989.

[41] Стернин И. А. Контрастивный анализ в современной лингвистике. С любовью к слову. Festschrift for Arto Mustajoki. Хельсинки, 2008.

[42] Стернин И. А., Чубур Т. А. Контрастивная лексикология и лексикография. Воронеж: Истоки, 2006.

[43] Абдукаримова К.Р. Idiomatic Representation of the World in Kazakh and English Languages and Cultures // Актуальные проблемы современного общества : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции молодых учёных / под ред. И. А. Казачихиной, С. Ю. Полянкиной. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018.

[44] Абдукаримова К. Р., Влавацкая М.В. Лексико-фразеологическое поле «любовь» в русском, английском и казахском языках // Конференция молодых ученых "Наука. Технологии. Инновации": сб. науч. тр. : в 9 ч. / под ред. Гадюкиной А.В./, Новосибирск, 3–7 дек. 2018 г., Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. Ч. 8.

[45] Амин А. Д., Абдилова Г. Г. Особенности функционирования идиом в английском, русском и казахском языках // Молодежный научный форум: Оставь свой след в науке. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XXII междунар. студ. науч.-практ. конф. М. Изд-во МЦНО, 2015. № 3(21).

[46] Исабеков С. Е. Универсалии, фреквенталии и уникалии в системе пословиц неродственных языков. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003.

[47] Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.

[48] Кожахметова Х. К., Жайсакова Р. Е., Кожахметова Ш. О. Казахско-русский фразеологический словарь / Под ред. А. С. Аманжолова. Алма-Ата: Мектеп, 1988

[49] Лұғат сөздіктері [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lugat.kz.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

интерпретации концептуальных оснований фразеологической семантики на фоне культуры[50,51]; психолингвистики, включая выявление механизмов формирования и фиксации в языке фразеологических единиц, а также изучение структуры фразеологизма в тесной связи с человеческим мышлением и познанием мира[52]; комбинаторной лингвистики, изучающей трансформации традиционных фразеологических и паремиологических единиц в силу экстралингвистических причин, возникающих в современной антропоцентрической парадигме[53]; межкультурной коммуникации, изучающей в том числе скрытый смысл фразеологических единиц разных языков и трудности в их изучении, что позволяет определить особенности культур, различия в мышлении носителей разных языков[54]; лингвокультурологии и этнопсихолингвистики, рассматривающих культурные коды, посредством которых устанавливаются взаимосвязи между системами представлений, запечатленными в языке, с одной стороны, и сферами материального и ментального мира – с другой. Сопоставительный анализ фразеологических единиц разных языков способствует выявлению как общих, так и специфических черт в символизации сфер мироздания языковым сознанием[55] и т.д.

В классической лингвистической литературе приводятся разные дефиниции фразеологических единиц – такие, как: 1) устойчивая и воспроизводимая раздельнооформленная единица языка, состоящая из компонентов и наделенная целостным значением[56]; 2) языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре [57]; 3) словосочетание, в котором семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова [58] и т.д.

---

[50] Ivanova E. On the three lines of the cognitive analysis of phraseology // Russian Linguistic Bulletin, 2022. № 8. № 15. DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.2

[51] Белозёрова Е.Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2020. 5 (211).

[52] Балута А.А., Орлова Н.Н. Психолингвистические особенности формирования современной фразеологии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3.

[53] Влавацкая М. В., Зайкина З. М. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-1 (89).

[54] Атанова Г. Ю. Фразеология в межкультурной коммуникации // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов VII Международной научной конференции. 17 ноября 2021 г. Макеевка. Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. 2021.

[55] Опарина Е.О Фразеология в контексте культуры: репрезентация культурных кодов во фразеологизмах и паремиях // Этнопсихолингвистика. 2023. № 2 (13).

[56] Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986. С.24.

[57] Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1985. С.20.

[58] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М., 2004. С.427.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Наиболее ярким отражением универсальных и национально-специфических характеристик являются фразеологические единицы, так как они в большей мере впитывают в себя все национальные особенности того или иного народа. Элементы культуры вытекают из денотации, лежащей в образной основе фразеологической единицы, а для ее описания «надо в основном расшифровать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова и словосочетания с категориями культуры, все осмысливать на языке культуры и, конечно, описывать культурный дискурс»[59].

Так, идентичность построения предложений в разных языках обосновывается схожими – универсальными правилами их построения, а также универсальными представлениями об объектах действительности. Рассматриваемое нами чувство «любовь» является важным аспектом окружающего мира для всех лингвокультур. План содержания соответствующих лексем в рассматриваемых нами языках имеет как сходства, что указывает на универсальные характеристики этих языков, так и различия, которые являются идиоэтническими особенностями.

Универсальные характеристики – это признаки, определяющие объект или явления действительности, а также отражающие общие признаки культуры разных этносов. Помимо универсальных формируются также особые, национально-культурные, или идиоэтнические характеристики определенного этноса. Они образуются под влиянием экстралингвистических факторов и существуют только в определенной лингвокультуре.

Выявление идиоэтнических характеристик помогает глубже понять картину мира любого народа, которая является своеобразным аспектом, так как каждый народ смотрит на окружающую его действительность по-своему.

Национально-культурная семантика фразеологических сочетаний складывается из трех составляющих – они отражают национальную культуру: 1) комплексно, т.е. *своими* идиоматическими значениями, называя явления прошлого и настоящего данного народа, не имеющее аналогов в других языках; 2) единицами *своего* состава, некоторые из которых являются безэквивалентными; 3) *своими* прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные события и многое другое[60].

Разграничение понятий «фразеологическая единица» и «идиома», является спорным вопросом. В словарях данные понятия являются

[59] Воробьев В. В. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие. М.: Ладомир, 2006. С. 31.
[60] Жумсакбаев А. Т. Этнокультуроведческий аспект изучения фразеологизмов русского языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (789). С. 54.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

синонимичными, а при более детальном изучении некоторые исследователи данные понятия дифференцируют, определяя фразеологические единицы как общее, а идиомы относят к частному понятию, так как считают их определенным типом фразеологических единиц. Согласно В. В. Виноградову, существует три вида фразеологических единиц: сращения, единства и сочетания. Только идиомы являются фразеологическими сращениями[61]. По В. В. Виноградову, идиома – это фразеологизм, который отражает национальный колорит, национально-культурные аспекты, понятные только носителям того или иного языка. Но не все исследователи считают именно так.

В зарубежном языкознании фразеологическую единицу любой степени мотивированности означает термин «idiom». Так, английские языковеды пользуются термином «идиома».

Так же, как и в отечественном языкознании, зарубежные исследователи фразеологии дают разные формулировки термину «idiom». Тьерри Фонтель считает, что идиомы являются частью большого класса составных понятий и описываются как семантически немотивированные (непроизводные) словосочетания[62]. Ларри Траск, в свою очередь, определяет идиому как устойчивое выражение, значение которого невозможно понять из отдельных составных частей данного выражения[63]. Хасан Газала попытался сформулировать комплексное определение термина «идиома»: особые, метафорические, устойчивые фразы, значение и форма которых требуют согласования[64].

Исследованием фразеологических единиц казахского языка занимались такие ученые как А. Т. Кайдаров и С. К. Сатенова[65], Г. Н. Смагулова[66], Р. Д. Карымсакова[67], Э. Д. Сулейменова[68] и др. Однако в работах этих исследователей четкое определение термина «фразеологическая единица» отсутствует. В основном они используют существующие определения, сформулированные как российскими, так и зарубежными учеными.

---

[61] Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

[62] Fontenelle T. Using a Bilingual Dictionary to Create Semantic Networks // International Journal of Lexicography. London: Oxford University Press, 1998. P. 191.

[63] Fontenelle T. Using a Bilingual Dictionary to Create Semantic Networks // International Journal of Lexicography. London: Oxford University Press, 1998. P 275-303.

[64] Ghazala H. Idiomaticity between evasion and invasion in translation: Stylistic, aesthetic and connotative considerations / Babel. Paris: John Benjamins Publishing, 2003. № 49 (3). P 203-227.

[65] Кайдаров А. Т., Сатенова С. К. Компаративные фразеологизмы, связанные со скотоводством, в казахском языке. Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1989. № 4. С. 23-26.

[66] Смагулова С. С. Тип языковой политики в Казахстане. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003.

[67] Карымсакова Р. Д., Смагулова Г. Н. Казахский язык. Страноведение через фразеологизмы. Алматы: Ж1бек жолы, 1997.

[68] Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата: Мектеп, 1989.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Так, исследованием фразеологических единиц занимались многие отечественные и зарубежные ученые, которые предлагали различные классификации в зависимости от их семантики, структуры, происхождения и т.д. Классификация академика В. В. Виноградова[69] является первой, самой известной и часто используемой в учебных и научных целях, так как она была заложена в основу научной разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. В своих трудах академик сформулировал предмет и задачи фразеологии, а также дал лексико-семантическую характеристику фразеологизмов русского языка. Более того, ученый предложил классификацию фразеологических единиц, в основе которой лежит семантическая слитность компонентов. Классификация включает в себя три группы фразеологических единиц: сращения, единства и сочетания.

В то же время Н. М. Шанский, взяв за основу принцип слитности фразеологизмов, предлагает добавить к этим трем группам четвертую: к ней он относит пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты и изречения[70]. Того же принципа придерживается Г. Л. Пермяков[71], а Е. Агрикола[72] включает в классификацию различные объединения – фразеологические единства и идиомы.

В ходе изучения языка во взаимосвязи с культурой его носителей было выявлено, что фразеологические единицы несут в себе культурологическую информацию. Ученые, занимающиеся разработкой теории и практики русского языка как иностранного Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров[73] установили языковую и лингвострановедческую значимость фразеологии. Кроме того, они делают акцент на том, что изучение фразеологических единиц осложнено: во-первых, разрозненностью фразеологической формы при единстве содержания и, во-вторых, недостаточно разработанными страноведческим и сопоставительным аспектами фразеологии.

Также большой вклад в развитие фразеологии внёс А. И. Смирницкий, создав одну из классификаций фразеологических единиц, в которой он основывался на грамматическом и семантическом единстве фразеологических единиц. Учёный выделяет фразеологические единицы, стилистически

[69] Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140-161.

[70] Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1985.

[71] Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.: Наука, 1988.

[72] Agricola E. Worter und Wendungen. Worterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig. Bibliographisches Institut. 1962.

[73] Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

нейтральные обороты и идиомы, обороты, основанные на переносе значения, метафоре, ясно осознающийся говорящим. Основой этой теории является сопоставление фразеологической единицы и слова. Общим у слова и фразеологической единицы является то, что они являются готовыми единицами языка. Различие заключается в оформлении данных единиц, то есть цельноофомленность слова и раздельнооформленность фразеологической единицы[74].

Основываясь на функциональных свойствах фразеологических единиц, И. К. Сазонова[75] разделила фразеологические единицы на: нейтральные – необходимые и незаменимые элементы лексики того или иного языка, которые часто употребляемы *(сдержать слово, подвести черту, поставить точку* и т.д.) и экспрессивно-эмоциональные**,** которые выполняют эмоциональную, эстетическую функцию, так как они наполняют и украшают речь, привнося часть литературного стиля в обыденную речь. Данный тип имеет низкую частотность употребления *(вкручивать мозги, дело в шляпе, терновый венец, звездный час* и т.д.).

Исследователи фразеологии за рубежом в своих исследованиях используют термин «idiom» для обозначения фразеологических единиц.

Логан Пирсолл Смит[76] использует термин «idiom» для обозначения речевых аномалий, которые нарушают правила грамматики или не поддаются законам логики, к ним он относит: фразеологические сочетания *(to show one's teeth – to show my (your, his, her, our) teeth)*; грамматические явления, как «двойное» выражение сравнительной и превосходной степени *(more better)*, двойное отрицание *(didn't see nothing)*; устойчивые повторения тех же слов (*by and by, again and again, neck and neck*). Учёный в своих работах старается отразить всё богатство и разнообразие фразеологии английского языка, определить первоисточник фразеологизмов, их этимологию и как они проникли в английский язык. Согласно Л. П. Смиту, источником идиом является народная речь, которая отражает обычную жизнь людей, условия их жизни, поведение, национально-культурные особенности, а также обыденное общение между людьми.

А. Маккай[77] выделил отдельный уровень идиоматики и подразделил его на две области: лексемную, в его терминологии это lexemic stratum, и семемную, т.е. sememic stratum. Их отличительным признаком является

[74] Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1998.
[75] Сазонова И. К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. Калифорнийский университет: Издательство лит-ры на иностранных языках, 1963.
[76] Smith L. P. Phraseology of the English Language. M.: 1998.
[77] Makkai. A. Idiom Structure in English. The Hague, 1987.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

смысловой знак: понимание – непонимание. К лексемным идиомам А. Маккай относит: глагольные сочетания (phrasal verbs), биномы (here and there), фразеологические словосочетания (White House) и инкорпорированные глагольные идиомы (to baby-sit).

Согласно Дж. Сейдлу и У. Макморди[78], идиома – это группа слов, которая в целом имеет значение, отличное от значений его компонентов. Одним из главных признаков идиомы является её целостность, которая может изменить состав или порядок слов внутри идиоматического выражения.

В казахском языке фразеологические единицы широко используется как в устной, так и в письменной форме. Они подразделяются на книжные и простые[79]. К книжным относятся те, которые в своей степени похожи на метафорические словосочетания. Простые фразеологизмы используются в повседневной жизни, а также в художественной литературе и публицистике для усиления эмотивного эффекта.

Как можно заметить, каждый из фразеологов, основываясь на существующих классификациях, старался внести свои коррективы. Многие классификации подверглись критике, так как не имели достаточного обоснования, у некоторых из них была обнаружена неясность в выборе доказательных принципов. Как в зарубежной, так и в отечественной фразеологии нет единой классификации, которая являлась бы общепризнанной.

2. Моделирование лексико-фразеологического поля «Любовь», «Love» и «Махаббат»

Вторая половина XX века становится отправной точкой в исследовании определения универсальных и идиоэтнических особенностей функционирования языковых единиц. Актуальной также стала проблема отражения объектов и явлений окружающего мира, которое передается через языковые единицы. Поиски изучения языка как системы приводит к появлению лингвистической теории поля.

Изучение полевой структуры в языкознании началось с работ Й. Трира[80]. В дальнейшем в теории поля было выделено два подхода:

[78] Seidl J., McMordie W. English Idioms. 5th edition. Oxford University Press, 1988.

[79] Кайдаров А. Т., Сатенова С. К. Компаративные фразеологизмы, связанные со скотоводством, в казахском языке. Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1989. № 4. С. 23-26.

[80] Trier J. Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung // Die Neue Jahreszeitsdirift für Wissenschaft und Bildung der Jugend. B., l934. Bd. 10. S. 428-449.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

парадигматический и синтагматический. Л. Вайсгербер[81] выделил однослойные, двуслойные и многослойные виды полей. Сам термин «семантическое поле» как «совокупность слов, обладающих общим значением» был введен еще Г. Ипсеном[82], полевая теория которого была ориентирована на изучение родственных по их формальному признаку и значению групп слов. В исследованиях современных учёных-языковедов исследуются такие поля, как грамматическое, лексико-грамматическое, семантическое, функционально-семантическое и другие.

В отечественном языкознании используется понятие «функционально-семантическое поле» было введено А. В. Бондарко[83], которое определяется как группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Критериями группировки являются: общие инвариантные семантические функции у языковых единиц; взаимодействие однородных и разнородных грамматических и лексических элементов; распределение языковых единиц в ядро и периферии поля; наличие «общих сегментов» или частичные пересечения между различными группировками языковых единиц.

И. М. Кобозева[84] утверждает, что семантическое или лексико-семантическое поле наделено: семантическими корреляциями между компонентами поля; системным характером данных отношений; взаимозависимостью и взаимоопределённостью лексических единиц; непрерывным обозначением смыслового пространства; взаимосвязью всех семантических полей в пределах всей лексической системы.

В данном исследовании рассматривается ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат» в английском, русском и казахском языках соответственно. В основу данного поля легла методика построения, разработанная З.Д. Поповой, И.А. Стернина и Е.И. Беляевой[85]. Поле рассматривается как инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями и обладающих семантическим сходством. В данном случае фразеологические единицы имеют семантику любви и выполняют в языке единую функцию –

[81] Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС Эдиториал, 2004.
[82] Цит. по: Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974. С. 22.
[83] Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
[84] Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.98-99.
[85] Попова З.Д., Стернин И.А., Беляева Е.И. Полевые структуры в системе языка: монография; под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

передают национально-культурных информацию. Кроме того, ЛФП объединяет однородные и разнородные элементы и таким образом образует микрополя. Вертикальная организация ЛФП – это микрополя, или группы единиц с определенным семантическим признаком. Горизонтальная организация – это взаимоотношение микрополей по нескольким семантическим признакам, входящих в состав ядра или ближней, дальней, крайней периферии поля. В состав ЛФП входит ядерная область и периферийные уровни. Ядро поля образует доминанта, имеющая главное значение, вокруг нее группируются связанные с ней конституенты. Ядерные конституенты обязательны для данного поля, а также наиболее специфицированы для выполнения функций поля и частотны по сравнению с другими конституентами. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию, четкой границы между этими областями нет. Конституенты поля могут принадлежать ядру одного поля и периферии другого поля или полей, которые по закону полевой организации системы языка накладываются друг на друга, образуя зоны постоянных переходов.

В полевую модель выходят 4 уровня: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии, различающиеся по степени выраженности изучаемого явления, по по оценке рассматриваемого явления носителями языка и его взаимосвязи с другими объектами и явлениями действительности.

В ядро ЛФП «Любовь» будут входить фразеологические единицы, являющиеся доминантами или конституентами, семемы которых соотносятся со значениями языковых лексем-репрезентантов объекта или явления, «отражённых в толковых словарях и выделенных семным анализом словарных дефиниций»[86]. Ядерная область ЛФП содержит единицы, обладающие высокой частотностью, общеизвестностью, стилистической нейтральностью, фразеологической активностью, значимостью в номинативной системе языка, устойчивостью или словообразовательной продуктивностью.

Область ближней периферии содержит единицы, имеющие меньшую частотность употребления, обладающие однозначностью, обобщенным, стилистически нейтральным значением, минимальной зависимостью от контекста и с положительно маркированными фразеологическими единицами,

[86] Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013. С. 66-67.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

имеющими общее с ядром и рядоположительными единицами дифференциальное значение[87].

Область дальней периферии поля наполняют единицы с семантическими признаками, которые содержат отрицательно маркированные элементы (культурные, языковые и т.д.) – это, как правило, инновации, воспринимающиеся носителями языка как непривычные и воспринимающиеся как отрицательно маркированные[88].

Область крайней периферии располагает фразеологическими единицами с семантическими признаками, отражающими представления противоположные любви, т.е. ненависти. Это чувство является неотъемлемой частью любой этнокультуры, представляющей собой «синергетически возникшую амальгаму (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений культуры и языка, зафиксированную и освоенную определённой группой этноса»[89].

Любое изучение предмета, явления окружающего мира или чувства проходит через значения (семемы) языковых единиц, которые репрезентируют его и отражают его универсальную и национально-специфическую стороны в лингвокультуре.

Наиболее существенны и значимы для значения – ядерные семы, которые обычно обозначают постоянные признаки предмета номинации. По ядерным семам происходит объединение слов в различные лексические группировки в системе языка, а также по ним слова выстраиваются в парадигмы, синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические и тематические группы.

Менее существенные и непостоянные – периферийные семы, которые обозначают вероятностные признаки предмета и не являются для предмета основными. Периферийные семы весьма важны для значения, так как они дополняют основное значение, придают предмету номинации образность и экспрессивность, выступают основой образования переносных значений, расширяют номинативные возможности слова и т.д.

К ядерным в структуре значения относится архисема и дифференциальные семы, к периферийным относятся потенциальные, вероятностные семы. Ядерные семы обычно ярче периферийных, которые в свою очередь

[87] Калита И. В. Идеи Яна Мукаржовского в контексте начал (структурализма и двух веков). In: Stereotypes in Literatures and Cultures. International reception studies. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. С. 107-108.

[88] Там же.

[89] Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. С.51.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

могут быть очень яркими, например сема «молодой» в значении слова «студент» и др. Ближняя периферия включает менее яркие семы, иногда в ней содержатся даже некоторые периферийные семы, имеющие большую яркость, а также сильновероятностные семы.

Денотативный компонент значения составляет основу ядра. Коннотативные семы, отражающие эмоции, оценку, а также некоторые стилистические и функциональные семы могут войти в ядро значения или в его ближнюю периферию, поскольку значимость, яркость семантического признака для языкового сознания – важный фактор, позволяющий отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения.

Таким образом, полевая модель отражает представление о языке как системе подсистем, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются национально-специфические черты.

Построение лексико-фразеологического поля «Любовь»

Первым этапом построения ЛФП «Любовь» является построение его номинативного поля через лексему-репрезентант «любовь» и ее содержательный потенциал.

По сведениям Этимологического словаря русского языка (2004) лексема «любовь» произошла от[90]: «**Любо́вь**. Общеслав. производное от той же основы, что любить, любой (см.). Исходное любы > любовь — под влиянием форм косв. падежей (род. п. любъве, вин. п. любъвь и т. д.), аналогично свекровь, морковь. Основа – «любой»: Общеслав. Соврем. *любой* < *любый*, т.е. «милый, дорогой» < «возбуждающий любовь, страсть, неодолимое желание», ср. того же корня, что нем. *lieb* «любимый, милый», лат. *libet* «нравится», инд. *lúbhyati* «чувствует неодолимое желание» и т. д. Исходное значение – «возбуждающий неодолимое желание», затем — «любимый, милый, дорогой», далее – «тот, который при свободе выбора нравится больше» и, наконец, – «всякий».

По данным Этимологического словаря русского языка (2005)[91], лексема «любовь» имеет индоевропейскую природу, которая в немецком

[90] Шанский Н.М., Боброва Т.А.. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 7-е изд., стер. Москва : Дрофа, 2004.

[91] Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

выражается в слове «liebe», а в английском – «love». Исходное значение лексемы «любой» было «возбуждающий неодолимое желание», а в итоге обрело значение – «всякий».

В целях построения номинативного поля семемный анализ лексемы «любовь» по данным Толкового словаря русского языка (2018) С. И. Ожегова[92], Нового словаря русского языка (2005) Т. Ф. Ефремовой[93] и Большого толкового словаря русского языка (1998) под редакцией С. А. Кузнецова[94] выявил следующие главные значения: 1) сильное чувство, основанное на сексуальном влечении; 2) сильное инстинктивное чувство привязанности по отношению к кому-либо; 3) симпатия и расположение; 4) пристрастие к кому-либо, чему-либо и т.д. Из проведенного анализа толковых словарей можно выявить то, что наиболее употребительными значениями является «чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-л» и «постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н.». При учете системных связей лексемы «любовь» в номинативное поле следует отнести и противоположную по значению лексему «ненависть», которая расширяет диапазон ЛФП и вносит в него дополнительное важное значение 5) сильная негативная эмоция, отражающая стойкое неприятие или отвращение к кому-либо или чему-либо.

Следующим этапом исследования является распределение фразеологизмов по выделенным эксплицитным семантическим признакам, которые были выявлены с помощью семемного анализа. Так, к основным областям ЛФП «любовь» нужно отнести фразеологические единицы с семантическими признаками:

1. сильное чувство, основанное на сексуальном влечении: *до безумия, потерять голову, до гробовой доски, носить на руках, души не чаять, до умопомрачения, всем сердцем, предмет обожания, дама сердца* и т.д.;
2. сильное инстинктивное чувство привязанности по отношению к кому-либо: *всей душой, втюриться, любить как собака палку, не оторвать глаз, душа в душу, душа моя* и т.п;
3. симпатия и расположение: *положить глаз, найти дорогу к чьему-либо сердцу, приглянуться кому-либо, рассыпаться мелким бесом (лесть), строить глазки* и т.п;

[92] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование. 2018. С. 536.

[93] Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1: А-Л. / Т. Ф. Ефремова М.: Издательство Lingua, 2005. С. 927.

[94] Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. С. 509.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

4. пристрастие к кому-либо, чему-либо: *безответная любовь, быть безнадежно влюбленным в кого-л, слепая любовь, быть любимцем, быть у кого-либо в милости, крутить любовь, вскружить голову* и т.п.;
5. ненависть*: играть на нервах, на дух не переносить, (ударяться/удариться (впадать/впасть, входить/войти) в амбицию, быть на взводе, метать гром и молнии, с безумных глаз, лезть в бутылку, до безумия, и бровью (глазом, ухом, носом) не ведет (не повел), выйти из себя, кровь кипит в жилах, действовать на нервы, с безумных глаз, принимать в штыки, сам дьявол вселился, поднять щетину, позеленеть от ярости, доходить до белого каления, закусить удила, кровь в жилах закипела, не помнить себя, рвать и метать, свести с ума, довести до ручки, доводить до точки, под горячую руку, сидеть в печенках, намылить шею, взбелениться, лопнуть от злости, прийти в ярость, привести в бешенство, с души воротит, душа не лежит, показывать зубы, заскрежетать зубами, воротить нос, не по ноздре, иметь зуб на кого-либо, колоть кому-либо глаза, ну тебя в болото!, будь ты неладен, убирайся к чертям собачьим!, катись к чертовой матери!, точить зубы* и т.д.

Следующий этап построения ЛФП «Любовь» заключается в формировании состава ядра, ближней, дальней и крайней периферии.

Значения, которые совпадают со значениями слова-репрезентанта «любовь» и составляют номинативное поле, входят в состав ядра ЛФП «Любовь». Их главный семантический признак – «сильное чувство, основанное на сексуальном влечении», так как любовь в национально-культурном представлении русского народа так же, как и у многих других народов, означает чувства влечения к противоположному полу: *потерять голову, до гробовой доски, носить на руках, души не чаять* и т.п.

В состав ближней периферии вошли положительно маркированные фразеологические единицы с семантическими признаками «сильное инстинктивное чувство привязанности по отношению к кому-либо» и «симпатия и расположение»: *найти дорогу к чьему-либо сердцу, приглянуться кому-либо* и т.п. Также в эту область будут входить семантические признаки такие понятия как «любовь к родине», «любовь к семье», «любовь к друзьям».

В отличие от ядра и ближней периферии, которые содержат положительно маркированные элементы, область дальней периферии содержит отрицательно маркированные элементы. Фразеологические единицы, в которых отражается семантический признак «пристрастие к кому-либо, чему-либо», несут в себе отрицательную коннотацию: *слепая любовь, быть любимцем, быть у кого-либо в милости, крутить любовь, вскружить голову* и

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

т.п. Причиной является то, что «пристрастие» может рассматриваться как «помешательство», из-за которого человек не видит реального положения дел.

В области крайней периферии ЛФП располагаются элементы, прямо противоположные элементам отраженных в ядре. Крайняя периферия отражает отрицательную сторону явления, описываемого в ядре, т.е. в нашем случае – ненависть. В данную область поля входят фразеологические единицы с семантическим признаком «ненависть»: *довести до ручки, доводить до точки, под горячую руку, сидеть в печенках, намылить шею, взбелениться, лопнуть от злости, прийти в ярость, привести в бешенство, с души воротит* и т.д.

Как показал анализ, численность фразеологизмов со значением «ненависть», намного больше численности фразеологических единиц со значением «любовь». Такой вывод можно объяснить тем, что для русской лингвокультуры чувство ненависти во много перечеркивает чувство любви в силу проявления эксплицитных эмоциональных реакций человека.

Ниже представлено процентное соотношение фразеологических единиц, составляющих ЛФП «Любовь» (См. рис. 1).

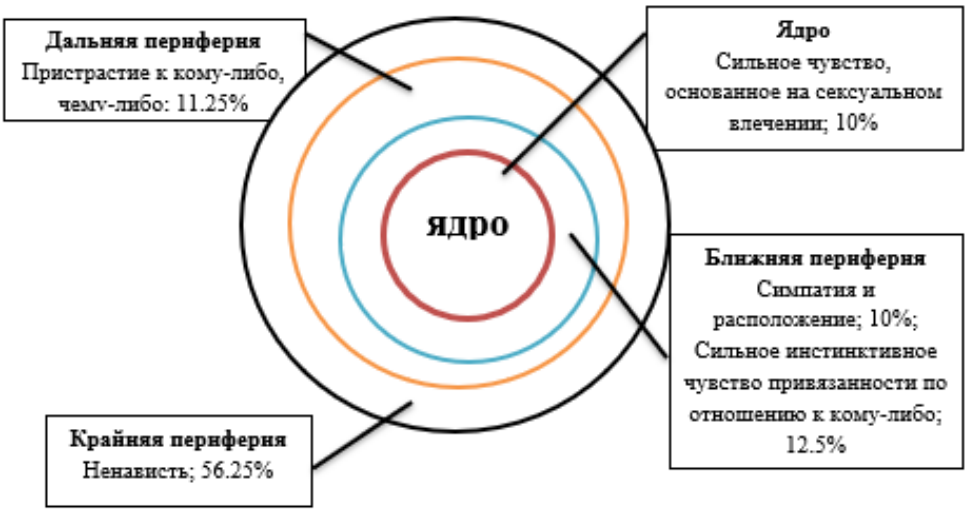


Рисунок 1. Семантический состав лексико-фразеологического поля «Любовь»

В результате выделения данных семантических признаков было установлено, что чувство любви является ключевым в национально-культурном представлении русского народа – оно входит в ментальный мир человека, проявляется по отношению к человеку противоположного пола, родине, семье, а также является проявлением истинных положительных эмоций человека. Для русского народа любовь является чем-то возвышенным и сокровенным, связанным с душой человека.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Построение лексико-фразеологического поля «Love»

Любовь является неотъемлемой частью всех лингвокультур, тем не менее каждая лингвокультура имеет свои особенности. Для выявления национально-культурных характеристик чувства любви, которое в английском языке репрезентируется словом «love», требуется изучение этимологии, а также толкования этого слова.

Изучение слова «love» способствовало выявлению его первоначальных семантических признаков, а также тех признаков, которые лексема приобрела в процессе своей семантической эволюции.

По данным Online Etymology Dictionary[95] лексема «love» происходит от протоиндоевропейского корня «leubh», что означает заботу, страсть и любовь, протогерманского «lubo» и древнеанглийского «lufu». С начала XIII века первоначальное значение ослабло и стало означать симпатию и нежность, пристрастие к кому или чему-либо. Глагол «love» происходит также от протоиндоевропейского корня «leubh» и протогерманского корня «lubojanan». Древнеанглийское слово «lufian» означало «чувствовать любовь по отношению к кому-либо» и «проявлять любовь к кому-либо».

Толковые словари английского языка «Oxford Dictionary»[96], «Merriam-Webster»[97] и «Cambridge Dictionary»[98] у лексемы «love» фиксируют следующие основные значения: 1) a strong feeling of affection for another arising out of kinship or personal ties and sexual attraction for someone; 2) unselfish loyal and benevolent concern for the good of another; 3) affection based on admiration, benevolence, or common interests as well as warm attachment, enthusiasm, or devotion, etc. Однако учет системных связей данной лексемы позволяет расширить семантическую область данного исследования до противоположного значения «hatred», т.е. «ненависть». Исходя из этого, в области перехода от ближней периферии к крайней будут фиксироваться: положительно маркированные элементы в ближней периферии, отрицательно маркированные элементы в крайней периферии и «нейтральные» переходные семантические элементы, соотносимые с чувством апатии и равнодушия в дальней периферии поля. Тогда к основным семантическим признакам ЛФП «Love» будут относиться следующие:

[95] Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/. (дата обращения 19.10.2023).
[96] Oxford dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/love (дата обращения 19.10.2023).
[97] The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster Inc., 2016.
[98] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 4th edition / C. McIntosh. London: Cambridge University Press, 2013.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

1. a strong feeling of affection and sexual attraction for someone (сильное чувство влечения и сексуальной привлекательности к кому-либо): *think the world of someone, head over heels (in love), to be death on, to be crazy about, be madly in love, live like two lovebirds, with all one's heart (soul), fix (set) one's affection(s) on smb., have a crush on, rob the cradle, be on the same page, significant other, think the sun rises and sets on someone, love to bits, fall out of love, dance attendance upon smb., turn one's head, sweetheart, queen (lady) of one's heart* и т.д.;
2. to care very much about someone, especially members of your family or close friends (любовь, забота, по отношению к семье или друзьям): ***love makes the world go round***, ***love will find a way,*** *to shine up to, do well by smb* и т.д.;
3. to like or enjoy something very much (иметь заинтересованность или какое-либо влечение): *be (stand) high in smb's favour, catch smb's fancy, find favour in smb's eye, turn one's head, take a fancy to smb., warm oneself into smb's favour, be an item, have smth right up one's street, cupboard love, puppy love, have a case on smb., stricken on smb. with love, to find a way to one's heart, make sheep's eye at smb.* и т.д.;
4. apathy (равнодушие): *go jump in the lake, not care for smb., didn't turn a hair, carry a (the) torch for smb., be all one to smb.* и т.д.;
5. hatred (intense dislike) (ненависть): *give smb the bellyache, blow a fuse (gasket), hate smb/smth as the devil hates holy water, run smb the wrong way,get one's jaws tight, get smb up on his ears, cut up nasty, go the devil, raging and fuming, lose one's temper, speak daggers, throw a fit, ruffle smbd's feathers, get smb's (one's) danger up, one's blood is up, blow one's stack (Am.), blow one's boiler (Aust.), rub smb the wrong way, black/blue in the face, not one's cup of tea, doesn't float one's boat, can't stand it, can't bear it, up in arms, go off one's back, bear with a sore head, bite someone's head off, be in a black mood, (have) a bone to pick with someone, be cheesed off, for crying out loud, cut it out, drive someone up the wall, eat someone alive, fit to be tied, get the flack, fly off the handle, foam at the mouth, get one's knickers in a twist, give a piece of one's mind, give the rough edge of one's tongue, go ballistic, go postal, go spare, go through the roof, haul over coals, hot under the collar, look daggers at someone, love-hate relation-ship, make one's hackles rise, quick temper, rant and rave, to see red,*

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

have a short fuse, skin someone alive, (get) steamed up about smth, (smth) sticks in one's throat, throw a wobbly, want someone's head on a platter, chip on one's shoulders, freak out, sworn enemies, hit the roof, for Pete's sake!, have a conniption и т.д.

Следующим этапом исследования является построение ЛФП «Love». Его ядро составили фразеологические единицы с семантическим признаком «a strong feeling of affection and sexual attraction for someone», который соотносится со значением лексемы-репрезентанта в номинативном поле: *head over heels (in love), to be death on, to be crazy about, be madly in love, live like two lovebirds, with all one's heart (soul), fix (set) one's affection(s) on smb., have a crush on* и т.д. Причисление семантических признаков из периферийных областей, включающих менее эксплицитные смыслы об изучаемом явлении в виде утверждений и установок сознания, вытекающих, в первую очередь, из менталитета народа расширяет и ядро ЛФП «love»[99].

Так, область ближней периферии характеризуется положительно маркированными фразеологизмами, которые репрезентируют любовь и заботу к близким и друзьям. В эту область вошли фразеологические единицы с значениями «to care very much about someone, especially members of your family or close friends» и «to like or enjoy something very much»: ***love makes the world go round, love will find a way*** **и т.д.** Данная область ЛФП также включает в себя и значение «любовь к родине». Результаты анализа свидетельствуют о постепенном ослаблении чувства по отношению к противоположному полу – в поле это прослеживается от ядра к периферии.

Дальняя периферия содержит отрицательно маркированное семантическое значение по сравнению с ядром данного ЛФП. Так, дальняя периферия включает фразеологические единицы, отражающие семантический признак «apathy» (равнодушие): *not care for smb., didn't turn a hair* и т.д.

Крайняя периферия является самой отдаленной областью ЛФП, которая несет в себе элементы прямо противоположные элементам, отраженным в ядре, и содержит единицы с отрицательной оценкой явления, описываемого в ядре, т.е. «hatred». В данную область поля вошли фразеологические единицы с семантическим признаком «hatred, intense dislike»

[99] Попова З. Д., Стернин И. А. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Комплекс «Графика», 2010. Стр. 27-30.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

(ненависть): *lose one's temper, speak daggers, throw a fit, ruffle smbd's feathers, get smb's (one's) danger up, one's blood is up, blow one's stack* и т.д.

На рисунке 2 представлено процентное соотношение фразеологических единиц, составляющих ЛФП «Love».

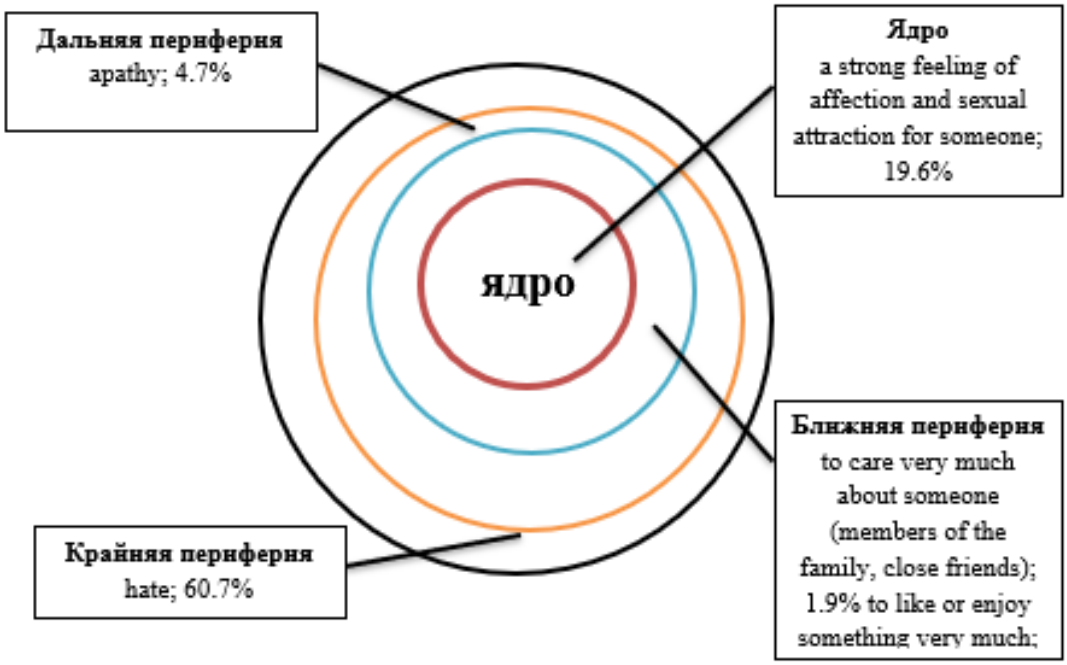


Рисунок 2. Семантический состав лексико-фразеологического поля «Love»

В результате выделения семантических признаков, было установлено, что любовь в англоязычной лингвокультуре также имеет ключевое значение, как и в русской. Любовь для представителей западного мира является более свободной, чем для представителей русской лингвокультуры.

Построение лексико-фразеологического поля «Махаббат»

Ценности казахского народа отражаются во фразеологии и репрезентируются при помощи различных языковых единиц. В казахской лингвокультуре любовь так же играет немаловажную роль, как и в лингволькультурах других народов. Построение ЛФП «Махаббат» повзолит найти, а затем выявить характерные особенности и ценности любви казахского народа.

Слово «махаббат» происходит от арабского «محبة» (mahaba), что переводится как любовь. Значение данного слова сохранило свое

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

первоначальное значение и не подверглось каким-либо изменениям. В словаре казахского языка даются следующие толкования значений слова «махаббат» [100]:

1) еркек пен әйел арасындағы махаббат (любовь к противоположному полу);
2) ана махаббаты (материнская любовь);
3) сүйіспеншілік (симпатия, любовь к какому-либо занятию).

Так, в номинотивное поле, соотносимое с семантикой лексемы-репрезентанта «махаббат», будут отнесены следующие значения:

1. еркек пен әйел арасындағы махаббат (любовь к противоположному полу): *жүрегі лүпілдеу (сердце трепещет), шығарыда жаны басқа (душа в душу), іңкәр болу (любить,обожать), жан-тәнімен сүю (всей душой), бал жаласу (душа в душу), жаны қалмау (души не чаять), сүттей ұю (душа в душу), ұршықша иіру (вскружить голову), шығарда жаны басқа (душа в душу), ішкен асын жерге қою (души не чаять), іші бұру (питать симпатию к кому-либо)* и т.п.*;*
2. ана махаббаты (материнская любовь): *алақанына салу (лелеять), басынан құс ұшырмау (оберегать, лелеять), пәрмене болу (души не чаять)* и т.п.*;*
3. сүйіспеншілік (симпатия, любовь к какому-либо занятию): *(есі кету (шығу, қалмау) (быть без ума), жаны құмар (пристрастие души), шырай беру (проявлять расположение), іші жылу (прийтись по душе)*и т.п.*;*
4. жек көрушілік (ненависть): *ала болу (не в ладах), ала көзімен ату (метать искры (молнии), зығыры қайнау (доходить до белого каления), ит жыны келу (ұстау) (зло разбирает), иттей ыза болу (злиться как собака), ашуы келу/ашу билеу (гневаться), бет жырту (грубо стыдить),иттің етінен жек көру (не переносить кого-либо), ит пен мысықтай (как кошка с собакой), кәр қылу, кәріне міну, кәрін қадау (төгу, шашу, тігу) (выходить из себя, выплескивать гнев), дінкесі құру (выходить из себя), екі иығын жұлып жеу (неистовствовать), қабағы салынқы (быть не в духе), ер тоқымын бауырына алу (метать гром и молнии), жаны қас (ненавидеть всеми фибрами души), өлердей жек көру (до смерти ненавидеть), сұқаны сүймеу (не выносить кого-либо),*

[100] Лұғат сөздіктері. URL: http://lugat.kz (дата обращения 11.05.2019).

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

талағы тарс айрылу (лопнуть от гнева), терісіне сыймау (лопнуть от гнева), титығына жету (выматывать всю душу), тұлан тұту (рвать и метать), шала бүліну (рассердиться, вспылить), шаңын қағу (донимать, снимать стружку), шиыршық ату (быть на взводе), іш қазандай қайнау (кипеть от злости) и т.д.

Следующим этапом является построение ЛФП «Махаббат». Его ядро будут составлять фразеологические единицы с семантическим признаком «еркек пен әйел арасындағы махаббат» (любовь к противоположному полу), который соотносится со значением лексемы-репрезентанта в номинативном поле: *жүрегі лүпілдеу (сердце трепещет), шырғарыда жаны басқа (душа в душу), іңкәр болу (любить, обожать)* и т.д. Ядро ЛФП «Махаббат» имеет идентичную структуру и семантику, что и ядро ЛФП «Любовь» и «Love». Для казахской так же, как и для русской культуры, любовь является сокровенным и благородным чувством, которое не демонстрируется напоказ.

В область ближней периферии вошли фразеологические единицы с положительно маркированными значениями, которые отражают чувство любви человека с другими людьми. Таким образом, в данную область включены фразеологические единицы с семантикой «ана махаббаты» (материнская любовь): *алақанына салу (лелеять), басынан құс ұшырмау (оберегать, лелеять), пәрмене болу (души не чаять)* и т.д., в которых проявляется наионально-культурная особенность казахского народа: мать – хранительница домашнего очага и, следовательно, от нее идет любовь ко всем членам семьи.

Дальняя периферия содержит фразеологические единицы с отрицательно маркированным значением, имеющие семантический признак «сүйіспеншілік» (симпатия, любовь к какому-либо занятию) – он не несет в себе четкого отрицательно маркированного значения, а отражает слабое проявление чувства по сравнению с описанной выше ядерной семантикой в ЛФП «Махаббат»: *жаны құмар (пристрастие души), шырай беру (проявлять расположение), іші жылу (прийтись по душе)*и т.п. Однако излишняя любвь к какому-либо занятию, т.е. пристрастие, может привести к отрицательным последствиям.

Крайняя периферия является самой отдаленной областью ЛФП «Махабат», которая несет в себе элементы прямо противоположные элементам, отраженным в ядре. Крайняя периферия содержит отрицание рассматриваемого нами чувства любви, описываемого в ядре, т.е. в нашем случае – «жек көрушілік» (ненависть). В данную область поля вошли фразеологические

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

единицы с семантическим признаком «hatred, intense dislike» (ненависть): *ашуы келу/ашу билеу (гневаться), бет жырту (грубо стыдить),иттің етінен жек көру (не переносить кого-либо), ит пен мысық тай (как кошка с собакой), кәр қылу, кәріне міну, кәрін қадау (төгу, шашу, тігу) (выходить из себя, выплескивать гнев)* и.т.д. Как при построении ЛФП «Любовь» и «Love» нами было обнаружено, что количество фразеологических единиц, входящих в дальнюю периферию значительно превышает количество фразеологических единиц, входящих в состав ядра и ближней периферии поля.

На рисунке 3 представлено процентное соотношение фразеологических единиц, составляющих ЛФП «Махаббат».

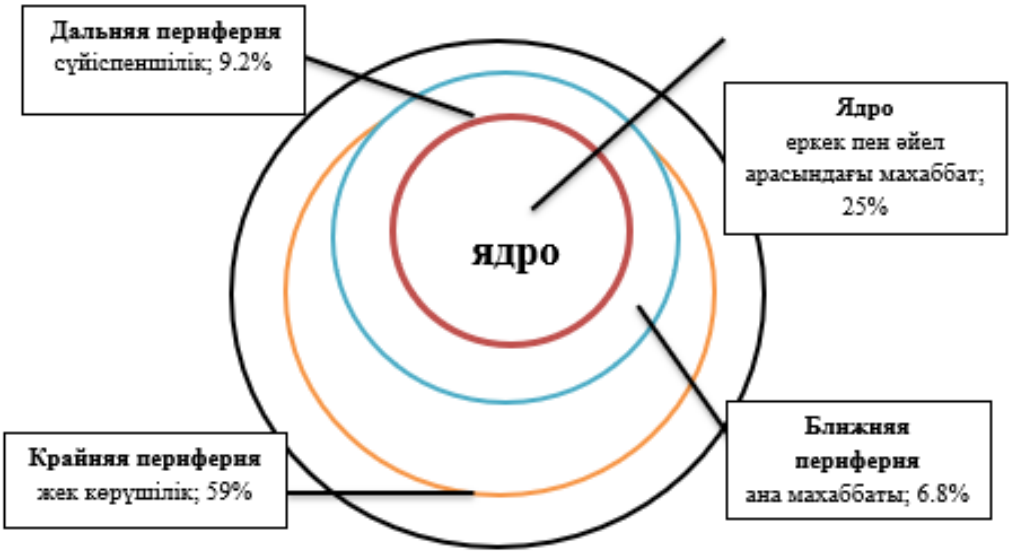


Рисунок 3. Семантический состав лексико-фразеологического поля «Махаббат»

В результате выделения семантических признаков ЛФП «Махаббат» было установлено, что в казахской лингвокультуре особое внимание уделяется материнской любви, так как мать – хранительница домашнего очага и, следовательно, от нее идет любовь ко всем членам семьи.

3. Идиоэтнические, фреквентальные и универсальные характеристики лексико-фразеологического поля «Любовь» в русском, английском и казахском языках

Для выявления универсальных и национально-культурных характеристик в фразеологических единицах трех языков необходимо провести

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

сопоставительный, а точнее их контрастивный анализ ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат». Актуальность проведения контрастивного анализа объясняется необходимостью изучения родного языка и культуры во взаимосвязи с другими лингвокультурами, мировоззрением разных народов и их мировосприятием для выявления как национально-культурных, так и универсальных признаков. Более того, результаты исследования в дальнейшем могут получить практическое применение в области преподавания разных языков и культур и создании лингвокультурологических словарей.

Сопоставительное исследование языков имеет как теоретическое, так и практическое значение, которое дает возможность выявить универсальные и национально-специфические характеристики. Метод контрастивного анализа является инструментом контрастивной лингвистики, цель которой – выявление универсалий, фреквенталий и уникалий, т.е. поиск отличительных (контрастных) признаков на фоне сходных признаков.

Отличительные характеристики заключаются в том, что изучение проводится в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке; главным при контрастивном анализе является выявление различий, тогда как сходства выявляются «автоматически»[101].

Целью нашего контрастивного исследования является как выявление идиоэтнической специфики, так и универсальных характеристик рассматриваемых языков в рамках ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат».

Другими словами, целью контрастивного анализа в данном исследовании является выявление уникальных (идиоэтнических), фреквентальных (идентичных в двух языках из трех) и универсальных (общих)[102] семантических характеристик в фразеологических единицах ЛФП «Любовь», «Love» и «Маххабат».

Идиоэтническая специфика лексико-фразеологического поля «Любовь», «Love» и «Махаббат»

Фразеология наиболее ярко отражает идиоэтническую, т.е. национально-культурную специфику того или иного этноса, так как она

[101] Стернин И. А. Контрастивный анализ в современной лингвистике. С любовью к слову. Festschrift for Arto Mustajoki. Хельсинки, 2008.

[102] Исабеков С. Е. Универсалии, фреквенталии и уникалии в системе пословиц неродственных языков. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

формируется под влиянием его культуры, быта, стереотипов, мировосприятия и т.д.

Исследование выявило, что англоязычной идиоэтнической характеристикой анализируемых фразеологических единиц являются семантические признаки «to care very much about someone, especially members of your family or close friends (любовь, забота, по отношению к семье или друзьям)»: ***love makes the world go round***, ***love will find a way***, *do well by smb* и «apathy (равнодушие)»: *go jump in the lake, not care for smb., didn't turn a hair, be all one to smb* и т.п.

В ходе контрастивного анализа было также установлено, что идиоэтнической характеристикой носителей русского языка являются фразеологические единицы с семантическим признаком «ненавить» с функцией проклятия: *будь ты неладен!, ну тебя в болото!, убирайся к чертям собачьим!, катись к чертовой матери!.* Данные фразы восходят к древним верованиям в нечистую силу: чертей и нечисти, живущей в болоте.

В казахском языке идиоэтнической характеристикой обладают фразеологические единицы с семантическим признаком «материнская любовь», в которую входят: *алақанына салу (лелеять), басынан құс ұшырмау (оберегать, лелеять), тәрмене болу (стать мотыльком, не жалеть себя ради кого-либо).* Важно сделать акцент на буквальном переводе фразеологизмов: *алақанына салу – класть в ладонь, басынан құс ұшырмау – чтобы птица не улетела с головы.* Эти фразеологические единицы означают то, что женщина – хранительница очага, семьи, а также защитница своих детей, что является чрезвычайно важным для восточных культур. В семантической группе «ненависть» нужно выделить фразеологическую единицу, отражающую основной признак: *іш қазандай қайнау* – букв*. нутру кипеть как казан*, имеющий казахскую идиоэтническую специфику. Как во времена кочевок, так и после казахи готовили пищу в больших казанах, которые находились на улице. Готовить приходилось много и часто, так как семьи были большие, поэтому казан можно сказать всегда кипел, что можно сравнить с закипающим в казане маслом, необходимым для приготовления баурсаков (традиционное мучное блюдо), которого требовалось в больших количествах. Помимо этого, еще одной идиоэтнической характеристикой является употребление лексемы «жан» (душа) во всех семантических группах ЛФП «Махаббат».

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Универсальные и фреквентальные характеристики лексико-фразеологического поля «Любовь», «Love» и «Махаббат»

Контрастивный анализ фразеологизмов в трех языках показал, что ядром ЛФП является представление о любви, а универсальным семантическим признаком является «сильное чувство, основанное на сексуальном влечении». Результаты доказывают, что несмотря на различия в лингвокультурах, представления о любви являются идентичными и прежде всего означают любовь к противоположному полу.

В ходе анализа были выявлены полностью идентичные фразеологизмы в трех анализируемых языках: *всем сердцем – with all one's heart (soul) (всем сердцем (душой)) – жан-тәнімен сүю (всей душой)* и *до безумия – be madly in love (безумно влюблен) – есі кету (шығу, қалмау) (быть без ума),* а также частично совпадающие фразеологизмы: *предмет обожания – significant other (любимый человек), дама сердца – queen (lady) of one's heart (королева сердца), втюриться – crush on smb; найти дорогу к чьему-либо сердцу – to find a way to one's heart.*

В ближней периферии отражаются такие универсальные семантические признаки как «сильное инстинктивное чувство привязанности по отношению к кому-либо», «симпатия и расположение», «заинтересованность в каком-либо влечении». При проведении анализа были выявлены следующие полностью идентичные фразеологические единицы: *вскружить голову – turn one's head (вскружить голову) – ұршықша иіру (вскружить голову).*

От ядра к ближней периферии и далее было выявлено ослабление семантики чувства любви во всех трех лингвокультурах. Подчеркнем, что во фразеологических единицах, входящих в ядро и ближнюю периферию анализируемого ЛФП часто используется лексема «душа» – прежде всего в русском и казахском языках: *всей душой, души не чаять, душа в душу, душа моя; жаны қалмау (души не чаять), жаны басқа (душа в душу), шығарыда жаны басқа (душа в душу), жан-тәнімен сүю (всей душой).*

Из этого можно сделать вывод, что фразеологические единицы, входящие в ядро и ближнюю периферию, являются универсальными для всех трех лингвокультур. Однако упоминание лексемы «душа» наиболее часто встречается в русском и казахском языках, так как душа в русской и казахской лингвокультурах является чем-то сокровенным, что обусловливается частичной схожестью культур и мировосприятия народов. В нашей работе такое явление обозначается как фреквентальный признак.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Помимо этого, к фреквентальным характеристикам можно отнести следующие семантические группы фразеологических единиц английского и казахского языков: «to care very much about someone, especially members of your family or close friends (любовь, забота, по отношению к семье или друзьям)» и «ана махаббаты (любовь к матери)». Это отражается в следующих фразеологических единицах: *do well by smb – құс ұшырмау (оберегать, лелеять).*

В разных культурах наряду с положительным проявлением любви, также существует и отрицательное ее проявление. Дальняя и крайняя периферии отражают отрицательно маркированное семантическое значение, кроме того, крайняя периферия, как самая отдаленная область ЛФП, отражает элементы прямо противоположные элементам, входящих в состав ядра.

Количество рассматриваемых отрицательно маркированных единиц значительно превышает количество единиц с положительным значением. В ходе проведения контрастивного анализа было выявлено, что семантические группы дальней периферии в трех языках не имеют общих характеристик: «пристрастие к кому-либо, чему-либо», «apathy (равнодушие)» и «сүйіспеншілік (симпатия, любовь к какому-либо занятию)». Из данных групп выделяется группа в казахском языке – «сүйіспеншілік (симпатия, любовь к какому-либо занятию)», которая не несет в себе отрицательно маркированных элементов, а отражает слабое чувство расположенности. В отличие от области дальней периферии, крайняя периферия включает группы с универсальной характеристикой «ненависть», «hate (intense dislike)» и «жек көрушілік (ненависть)».

Так, проведение контрастивного анализа способствовало выявлению полностью идентичных фразеологических единиц в крайней периферии поля: *метать гром и молнии – raging and fuming – ер тоқымын бауырына алу, доходить до белого каления – to see red – зығыры қайнау (доходить до белого каления), кровь в жилах закипела – one's blood is up – іш қазандай қайнау (кипеть от злости), как кошка с собакой – love-hate relationship – ит пен мысықтай (как кошка с собакой), cut up nasty – екі иығын жұлып жеу (неистовствовать), на дух не переносить – can't stand it, can't bear it – иттің етінен жек көру (не переносить кого-либо), шиыршық ату (быть на взводе),* а также идентичные только в русском и английском языках фразеологизмы: *показывать зубы, заскрежетать зубами – get one's jaws tight.*

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

При изучении фразеологических единиц в ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат» были обнаружены следующие полностью совпадающие фразеологические единицы: *ұршықша иіру (вскружить голову) – head over heels (in love) – вскружить голову, быть любимцем, быть у кого-либо в милости – do well by smb – іші жылу (прийтись по душе),* и фрекевентальные фразеологические единицы в русском и английском языках: *take a fancy to smb. – приглянуться кому-л, fix (set) one's affection – строить глазки,* и *бровью (глазом, ухом, носом) не ведет (не повел) – didn't turn a hair.*

В результате контрастивного анализа были выявлены такие универсальные семантические признаки фразеологических единиц, как «сильное чувство, основанное на сексуальном влечении», «симпатия и расположение», а также признак «ненависть», входящий в дальнюю периферию.

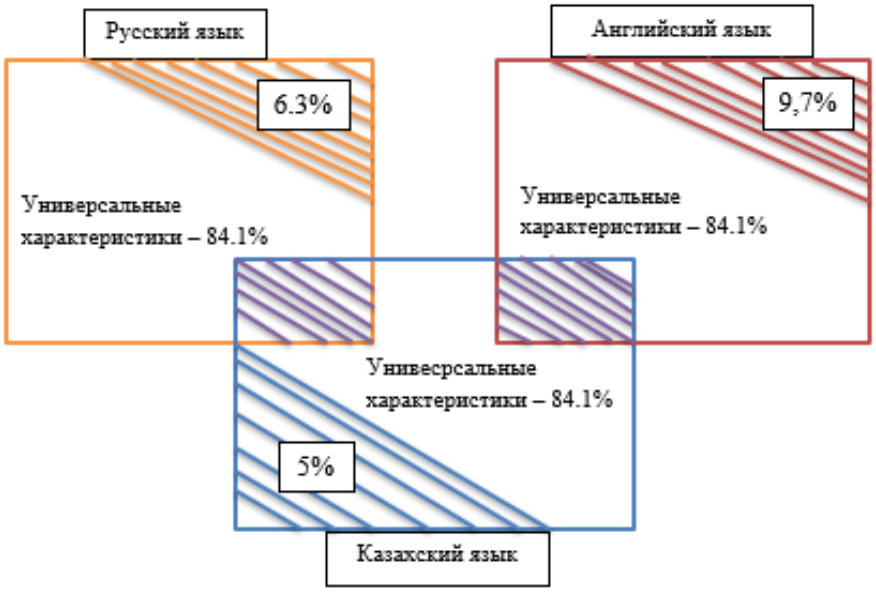
В ядре и ближней периферии были также выявлены фреквентальные характеристики, принадлежащие в большей мере русскому и казахскому языкам. Данная характеристика проявляется в употреблении лексемы «душа» во фразеологических единицах, что обусловлено сходством этих культур. В англоязычной культуре люди могут открыть душу человеку, с которым только недавно начали общение, в отличие от культурных ценностей стран СНГ, когда люди не выражают бурных эмоций на людях и стараются вести себя сдержанно. Следовательно, употребление лексемы «душа» в русских и казахских фразеологических единицах указывает на традиционную ценность и сокровенность любви в данных лингвокультурах.

Более того, была выявлена фреквентальная характеристика, присущая английским и казахским фразеологическим единицам: «to care very much about someone, especially members of your family or close friends (любовь, забота, по отношению к семье или друзьям)» и «ана махаббаты (материнская любовь)».

В результате контрастивного анализа было обнаружено, что проявление чувства ненависти во всех трех языках является более сильным и значимым, чем проявление любви. Наибольшее количество фразеологических единиц насчитывается в лексико-фразеологическом поле «Love». Это обусловлено тем фактором, что эмоции представителей англоязычной лингвокультуры, а в особенности американской, являются более экспрессивными и яркими по сравнению с выражением эмоций представителей русской и казахской лингвокультур. Можно сделать вывод, что чувство любви имеет идентичное отражение во всех трех лингвокультурах. В то же время имеются и некоторые различия, обусловленные национально-культурной спецификой анализируемых языков.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Представленный ниже рисунок отражает соотношение универсальных, фреквентальных характеристик, а также идиоэтнической специфики фразеологических единиц ЛФП «Любовь» в русском, английском и казахском языках (См. рис. 4).



Фреквентальные характеристики:

Русский и казахский: 4.8% от фразеологических единиц казахского языка, 9.6% от фразеологических единиц русского языка

Английский и казахский: 6.2% от фразеологических единиц английского языка, 6.1% от фразеологических единиц казахского языка

Национально-специфические характеристики

Рисунок 5. Универсальные, фреквентальные и идиоэтнические характеристики фразеологических единиц лексико-фразеологического поля «Любовь» в английском, русском и казахском языках

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Заключение

Проблема изучения универсальных и идиоэтнических характеристик разных лингвокультур побуждает исследователей к глубокому анализу фразеологических единиц, которые в полной мере отражают культуру того или иного народа.

При построении ЛФП «Любовь» было выявлено, что чувство любви является ключевым в национально-культурном представлении носителей русского, английского и казахского языков – оно входит в ментальный мир человека, проявляется по отношению к человеку противоположного поля, родине, семье, а также тесно взаимодействует с эмоциями.

Из проведенного исследования можно сделать вывод, что фразеологические единицы, входящие в ядро и ближнюю периферию, являются универсальными для всех трех лингвокультур.

Наряду с положительным проявлением любви в разных культурах присутствует и отрицательное ее проявление. Было установлено, что количество отрицательно маркированных фразеологических единиц значительно превышает количество единиц с положительным значением.

Для русского народа любовь является чем-то возвышенным и сокровенным, связанным с душой человека. Любовь для представителей англоязычной лингвокультуры является более свободной, чем для представителей русской и казахской лингвокультур. Также в ходе проведенного исследования и построения ЛФП была выявлена такая особенность казахского лингвокультуры как «ана махаббаты» (любовь к матери). Но нельзя утверждать то, что данный признак отсутвует в русской и английской лингвокультурах. Этот признак присутствует, но является второстепенным, или не ярко-выраженным.

Контрастивный анализ ЛФП «Любовь», «Love» и «Махаббат» был проведен с целью выявления идиоэтнических и универсальных характеристик. В то же время были выявлены и фреквентальные характеристики, идентичные для двух культур из трех. Результаты анализа показали, что представления о любви во всех трех лингвокультурах являются преимущественно схожими. Однако были выявлены и национально-специфические характеристики, указывающие на уникальность каждой из рассматриваемой лингвокультур и дающие достаточно полное представление о ее фразеологической картине мира. Также было обнаружено, что проявление чувства ненависти во всех трех языках является более сильным, чем проявление любви.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Глава 3. Архетипы как лингвистические маркеры этносоциокультурной самоидентификации автора

Введение

Сознание носителя языка является продуктом его этнической культуры и лингвосоциума, определяется его национально-культурной спецификой. Изучение самой национальной культуры и национальной или языковой картины мира начинается с рассмотрения ключевых концептов как ценностной основы, формирующей культурный код этноса и представления о мире его носителей. Причем, как отмечает Е. Ф. Тарасов, «нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет»[103].

Выявление специфики той или иной культуры строится на механизмах тождества и различия «своего» и «чужого», образующих базовую архетипическую бинарную оппозицию любой языковой картины мира которая, на взгляд Ю. С. Степанова, «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского»[104].

Дуальность мировосприятия была характерна для человека, начиная с древности, и строилась на одном из важнейших принципов категоризации окружающей действительности посредством дифференциации на «свое» и «чужое». Ю. М. Лотман справедливо отмечает, что культура начинается с деления мира на «свое» внутреннее пространство и «их» внешнее пространство, предстающих в философском понимании как космос и хаос[105]

Рассматриваемая оппозиционная модель является важной составляющей культуры любого социума, любой национальной группы, поскольку ее появление связано с возникновением самосознания, в основе которого находится противопоставление «Я – не Я, затем Я – Ты, Мы – Вы – Они, Наш(и) – не Наш(и)»[106], ставшее сегодня уже классическим.

По мнению С. Г. Воркачева, «свое» и «чужое», наряду с «родиной» и «чужбиной», представляют концепты и «антиконцепты», рассматриваются через

[103] Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение и новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 19.

[104] Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 126.

[105] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

[106] Никитина С. Е. «Свое – чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 33. – С. 76.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

лингвокультурный концепт «патриотизм», образуя в совокупности «сложное семантическое образование гиперонимического типа», в конечном счете, выступающее как лингвокультурная идея, поскольку в силу своей «этнонимичности» отражают «представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве», «"в «свернутом" виде <…> взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культуры и оценку собственного "национального характера"»[107].

Степень изученности вопроса и обзор литературы

Совершенно справедливо, что данный вопрос привлекает внимание представителей разных наук, это в свою очередь объясняет достаточную основательность его изученности. Феномен «чуждости» в разных аспектах разрабатывался М. М. Бахтиным[108], М. Бубером[109], Б. Ф. Поршневым[110]; семиотическая модель оппозиции «свой – чужой» представлена Ю. М. Лотманом[111]. По-прежнему актуальны фундаментальные исследования, посвященные особенностям мифологического типа оппозиций (В. Н. Топоров[112]; А. Н. Лосев[113]; А. Н. Афанасьев[114]). Анализ данной оппозиции проводится в текстах сказок (А. Н. Афанасьев[115]; В. Я. Пропп[116]; В. В. Николин[117]), рассматривается и религиозная сторона отражения «своего» и «чужого» в контексте (Д В. Пивоваров[118]; И. А. Крывелев[119]; С. А. Токарев[120]). Разработке проблемы «своего» и «чужого» как лингвокультурного и лингвосоциального

[107] Воркачев С. Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. – М.: Инфра-М, 2016. – 150 с.
[108] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
[109] Бубер М. Я. Я и Ты / М. Я. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
[110] Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
[111] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
[112] Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
[113] Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
[114] Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
[115] Там же.
[116] Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 336 с.
[117] Николин В. В. Волшебная сказка: структуры воспроизводства культуры: монография / В. В. Николин. – Екатеринбург: Старт, 2000. – 327 с.
[118] Пивоваров Д. В. Философия религии: учеб. пособие / Д. В. Пивоваров. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 640 с.
[119] Крывелев И. А. История религий: очерки: в 2 т. Т. 1 / И. А. Крывелев. – М.: Мысль, 1988. – 445 с.
[120] Токарев С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – 624 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

феномена посвящены современные исследования О. В. Балясниковой[121], Е. И. Балакиной[122], С.Г. Воркачева[123], М. Б. Красильникова[124], В. М. Пивоева[125]).

Изучение оппозиционной модели «свой – чужой», безусловно, находится и в поле внимания современной лингвистики, которая, как известно, осмысляется в разноуровневых категориях связей человека с внешним миром. Например, исследователи выделяют кровно-родственные, этнические, языковые, конфессиональные, социальные (Л. Н. Виноградова[126]), этнические, гендерные, культурные, экзистенциальные (Е. Н. Шапинская [127]) типы бинарности. В связи с этим проблема восприятия «своего» и «чужого» тесно связана с вопросом об идентичности, бурно обсуждаемым как в научной (Л. Б. Шнейдер[128], М. К. Мамардашвили[129], А. С. Мамбеева[130]], так и в общественно-политической практике (Ю. В. Ирхин[131], А. И. Комаров[132], Г. И. Марченко[133]].

Однако вопрос о языковом аспекте данной проблемы, важный для нашего исследования, до сих пор остается открытым, хотя теория изучения языковой личности сегодня по-прежнему остается приоритетным направлением в языке[134]. Именно с этим и связана прежде всего актуальность постановки вопроса и поиска ответа о связях восприятия «своего» и «чужого» с

[121] Балясникова О. В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка) / О. В. Балясникова. – М.: Канцлер, 2016. – 202 с.

[122] Балакина Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «свое» // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 73-82.

[123] Воркачев С. Г. Там же.

[124] Красильникова М. Б. «Свое» и «чужое» пространство в картине мира русской культуры при переходе от традиционного к нововременному периоду // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 39-48.

[125] Пивоев В. М. «Свой» против «чужих»: (проблема героя в русской культуре) // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. – Петрозаводск, 2001. – Вып. 2. – С. 14 -20

[126] Виноградова Л. Н. Человек/нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. – М.: Славянский мир. Индрик, 1995. – С. 17-26.

[127] Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры / Е. Н. Шапинская. – М.: КРАСАНД, 2012. – 216 с.

[128] Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М.: Эксмо, 2001. – 216 с.

[129] Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1991. – 218 с.

[130] Мамбеева А. С. Изучение русской этнической самоидентичности: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1995. – 16 с.

[131] Ирхин Ю. В. Изучение русской этнической самоидентичности: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. С. Мамбеева. – М., 1995. – 16 с.

[132] Комаров А. И. Региональное самосознание, территориальное самосознание / А. И. Комаров. – М.: Наука, 2007. – 465 с.

[133] Марченко Г. И. Этнополитология как наука // Социально-политический журнал. – 1994. – №. 3. – С. 57-69.

[134] Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: монография / под ред. Е. Н. Азначеевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 4.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

проблемами социально-личностной самоидентификации и способах ее воплощения в текстах разного уровня. В этом смысле актуально звучит мысль С. Г. Воркачева: «Самоидентификация и противопоставление другим лежат в основе образования любой социальной группы ... Однако ни одно из существующих на сегодняшний день социальных объединений не отличается такой массовидностью и универсальностью, как национально-этническая общность … нет ни одного человека без национальности»[135].

Поэтому очевидно, что обращение к изучению особенностей архетипической модели «свой – чужой» сегодня должно происходить через призму социально обусловленных понятий, в частности, толерантности, поскольку последняя выступает «и как ценностная установка, и как норма культурных взаимодействий, и как политическая необходимость»[136], или патриотизма, в котором «сосредоточены мысли, чувства и моральные императивы, образующие национально-этническое самосознание и национально-этническое бессознательное, порождаемые убежденностью человека в разделенности мира на «свой» и «чужой», а его обитателей соответственно на «своих» и «чужих» – «родная земля» и «чужая земля», «мы» и «они»[137].

В рамках настоящей статьи рассмотрение обозначенной выше оппозиции в тексте «На задворках распятой страны» становится особенно значимым, поскольку автор романа Яков Иккес, представитель российских немцев, этническая / политическая самоидентификация которого, с одной стороны неоднозначна, а с другой – уникальна. Актуальность обращения к этой проблеме через контекст толерантности вызвана и процессами нарастающей интеграции и глобализации, когда одной из ключевых проблем является сохранение собственной идентичности, поэтому зачастую человек стоит перед выбором: подчиниться этому процессу и принять чужие нормы и ценности или все-таки постараться сохранить собственную идентичность (национальную, религиозную, политическую и др.).

Сегодня исследователи все чаще обращаются к феномену «российские немцы». Изучение трихотомии «язык – сознание – культура/этнос/социум» российских немцев был вызван к жизни сравнительно недавно, что обусловлено, конечно, политической подоплекой. Однако в настоящий момент все же внимание исследователей в области лингвистики, истории и др.

[135] Воркачев С.Г. Там же.
[136] Фельде Е.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. … канд. филос. наук / Е. Г. Фельде. – М., 2015. – 152 с.
[137] Воркачев С. Г. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

дисциплин (Ю. В. Ирхин 2010[138], А.С. Мамбеева 1995[139], А. О. Фитц 2013[140], Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова, И. Е. Крапоткина 2015[141]; А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова 2017[142]; др.] привлекают внимание проблемы самоидентификации российских немцев, но в силу того, что к данной проблеме ученый мир обратился сравнительно недавно, остается целый ряд вопросов, в том числе и в лингвистике.

Цель статьи и материал для исследования

Целью данной статьи стала попытка проанализировать фрагмент языковой картины Я. Иккеса, связанный с актуализацией «своего» и «чужого» и его воплощением через конкретные лингвистические (в частности, лексические) маркеры самоидентификации.

Материалом для исследования послужил автобиографический роман «На задворках распятой страны»[143], где автор «глазами ребенка» описывает ключевые события своей жизни: детство на Волге, голод периода коллективизации, скитание в степях Калмыкии, жизнь в конце 1930-х гг. в селе Немецкая Потаповка, войну, депортациию в Казахстан. Сложный жизненный путь, безусловно, привел Иккеса к переосмыслению ценностей, трансформации мировоззрения и мировосприятия, обусловил специфику категоризации мира и самоидентификацию, – все эти метаморфозы этнокультурного и лингвокогнитивного существования личности можно обнаружить на страницах романа, который мы рассматриваем как «пресуппозицию», чтобы максимально адекватно выстроить логику последовательных интерпретационных действий.

Методология и методы исследования

В нашем представлении целесообразным является следующий алгоритм действий (представим его в виде фреймовой структуры): жизнедеятельность автора как пресуппозиция → текст романа как результат интеллектуально-творческой деятельности автора (фиксация событий жизни личности в

[138] Ирхин Ю. В. Там же

[139] Мамбеева А.С. Там же

[140] Фитц А. О литературе и самоидентичности российских немцев // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию)», 24-27 августа 2012 г. – М., 2013. – С. 638-655.

[141] Салимова Д.А. Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов) / Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова, И. Е. Крапоткина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 134-139.

[142] Ивыгина А. А. Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности: на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» / А.А. Ивыгина, Ю.Ю. Данилова // ФИЛОLOGOS. – 2017. – № 34 (3). – С. 49-54.

[143] Иккес Я. На задворках распятой страны. – Текст: электронный // Литературный портал российских немцев. – URL: http://rd-autoren.de/51-roman-na-zadvorkah-ickes.html (дата обращения: 14.08.2023).

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

контексте социально-исторических событий) → текст романа как совокупность языковых средств и зависимых от интерпретативной ситуации когнитивных параметров[144] → текст романа как материальная форма объективации авторского сознания.

Более того, необходимым нам представляется фрагментарная реконструкция русской конвенциальной модели мира, где «свой» и «чужой» рассматриваются как ее этнолингвокультурные константы, архетипы. Это позволит максимально объективно сформулировать собственные «читательские смыслы»[145] относительно авторских интенций, в частности, авторскую категоризацию действительности посредством бинарной оппозиции «свой – чужой» и лингвокогнитивные трансформации в сознании автора, российского немца.

В рамках предпринятого исследования обозначенного вопроса применялся метод комплексного анализа, в частности:

– метод сплошной выборки для сбора эмпирического материала;

– совокупность методов и приемов «обработки» извлеченной из контекста информации: метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного и контекстуального анализа разного рода лексических единиц, вербализирующих концептуальное наполнение оппозиции «свой – чужой»;

– систематизация полученных результатов с последующим их описанием.

Теоретико-методологическую основу статьи составили труды отечественных исследователей по вопросам идентичности, идентификации, самоидентичности, самоидентификации и их решению в области языка как носителя культуры[146][147][148]; в области теории и методики лингвокультурного анализа языкового сознания носителей русского языка[149][150][151][152].

---

[144] Щирова И.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: монография / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 171 с.

[145] Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука. – 2015. – 208 с.

[146] Ехлакова Н.Ф. Борьба «своего» против «чужого» как универсальный способ существования // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 157-161.

[147] Матвеичева Т.В. «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – С. 117-119.

[148] Шкуропацкая М. Г. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1(39). – С. 80-95. – URL: DOI: 10.17223/19986645/39/7 (дата обращения: 20.08.2023).

[149] Воркачев С. Г. Там же.

[150] Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

[151] Колесов В. В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 136 с.

[152] Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Результаты и дискуссия

Высокая степень значимости компонентов бинарной оппозиции «свой – чужой» не вызывает сомнений и с позиций плана содержания, в силу своей «семиотической плотности»[153], они представлены широким рядом языковых вербализаторов, в частности, «языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры)», что «напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта [патриотизм и его составляющие «свой – чужой», «я/мы – они», «родина – чужбина» – *прим. авт.*] в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании»[154], что в конечном счете определяет мировоззренческую парадигму коллективного и индивидуального сознания.

Маркеры «свой» и «чужой» как архетипы русской этнолингвокультуры

Изучение и анализ бинарной оппозиции «свой – чужой» как фрагмента языковой картины мира Я. Иккеса, на наш взгляд, необходимо предварить описанием основных аспектов актуализации компонентов обозначенной дихотомии как архетипов русской этнолингвокультуры. Стоит отметить, что, Я. Иккес, безусловно, является носителем русской этнолингвокультуры, поскольку он позиционирует себя как «русский», более того, он – носитель русского языка, у него одна ментальная личность (он не владеет немецким, языком своих предков), одна национальная картина мира (пусть даже с незначительными компонентами немецкой этнокультуры, которые он принимает только для себя): следовательно, все «контенты» (константы, концепты, архетипы, прецеденты, др. языковые и ментальные единицы) обусловлены русской этнолингвокультурой, они признаются единственно верными, единственно реальными. Это подтверждает и сам Иккес: «Образование русское, думаю, мечтаю, читаю, спрягаю, склоняю по-русски да по-казахски»[155].

Данное противопоставление прочно укоренилось в языковом сознании русского человека и составляет основу его картины мира: «Свой всегда противопоставлен чужому, и эта противоположность в человеческом коллективе является одной из древнейших»[156]. Пониманию не только смысла

Проект, 2004. – 992 с.

[153] Воркачев С.Г. Там же.
[154] Там же.
[155] Иккес Я. Там же.
[156] Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

компонентов анализируемой модели в картине мира русских, но и значимости этих понятий способствует рассмотрение их этимологии, помогающее вскрыть их национально-культурную специфику. По мнению В.В. Колесова, слово «чужой» связано со словами «чудовище», «чудо», поскольку изначально в Др. Руси «чужое» ассоциировалось с врагом, враждебностью, поэтому могло предстать только в облике чудовища, тогда как «свой» – «это тот, кто близок тебе, является как бы вторым «я»[157]. Этой же позиции относительно происхождения обозначенной лексемы придерживается и Ю.С. Степанов, обнаруживая к тому же ее взаимосвязь с наименованием народа чудь. Академик рассматривает «свой» и «чужой» как константы русского языка и приходит к выводу об их взаимосвязи с самосознанием и стереотипностью поведения его носителей. Лексема «чужой» связана со словами «чужак», «гость», которые противопоставлены «своим», «домашним»[158]. Сделать гостя, чужака своим по русской традиции можно было, предложив кров и накормив его[159].

Понимание ценностной составляющей лингводихотомии «свой – чужой» в русской культурно-языковой картине мире происходит через знакомство с фольклорными текстами. Исследователь С.Е. Никитина делит такие тексты на два типа: мирские и религиозные. Оценка «своему» и чужому» в текстах первого типа дается по шкале «норма – не норма / аномалия». Подобное понимание можно встретить в сказках, былинах. Например, в былинах, где богатыри, свои, сражаются с врагами, чужими: Идолищем поганым, Соловьем-разбойником. Следовательно, свое – познанное, родное, близкое, а чужое – незнакомое, пугающее, даже угрожающее. В текстах второго типа оценка обусловлена религиозным началом. В ее качестве выступает оппозиция «благо/добро (от Бога) / зло (от дьявола)»: свое в текстах данного типа – добродетельное, чистое, милосердное, чужое – греховное, нечистое, жестокое[160].

Одним из источников глубинного этнокультурного самосознания являются паремиологический фонд и фразеосистема русского национального языка. Анализ пословиц и поговорок свидетельствует, что «свой» и «чужой» – центральные концепты русской культуры, каждый из которых может

[157] Там же. С. 36

[158] Степанов Ю. С. Там же. С. 126.

[159] Колесов В. В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 136 с.

[160] Никитина С. Е. «Свое – чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп // Вопросы психолингвистики. № 33. – С. 78-79.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

быть включен в состав нескольких семантических групп. «Чужой» входит в следующие группы: 1. Чужой кажется лучше: *В чужих руках ломоть велик.* 2. Чужой – особая сфера: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.* 3. Чужой вызывает недоверие: *В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем*. «Свой» также входит в состав трех групп: 1. Свой придает силы: *Всяк кулик в своем болоте велик.* 2. Свой – родной, хороший, понятный: *Каждая курица свой насест хвалит.* 3. Свой лучше чужого: *Свой сухарь лучше чужих пирогов*[161]. Так, анализ ценностной составляющей показывает, что «свое» всегда наделяется положительной коннотацией, «чужое» – отрицательной. Эта мысль подтверждается также данными ассоциативных опросов носителей современного русского языка, зафиксированных в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова (далее – РАС): актуальными становятся ассоциации типа *родной (5), близкий (3), надежный (2), хороший (2), доверие (1), красивый (1), любимый (1), родимый (1)* для стимула «свой»; *страшный (2), враг (1), опасность (1), плохой (1), предатель (1), пугающий (1), черный (1), черный ворон (1)* – для стимула «чужой». Обратный поиск позволил выявить, что и сами лексемы *свой* и *чужой* стали вербальными реакциями на другие стимулы: так, в первом случае реакции актуализировались на стимулы «добрый» (1), «драгоценный» (1); во втором – таковыми стали стимулы «странный» (4), «незнакомый» (3), «больной» (1), «враждебный» (1), «высокомерный» (1), «неизвестный» (1), «необыкновенный» (1), «непохожий» (1), «преступник» (1)[162]. Очевидно, что в сознании большинства носителей русской лингвокультуры произошла лингвокогнитивная нейтрализация, в частности, «чужой» содержит не только и не столько отрицательно маркированные смыслы и коннотации, сколько констатацию инородности кого-чего-то.

Культурные архетипы объективируются посредством фразеологизмов с компонентами «свой/чужой» в своем составе. В «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телии (далее – БФСРЯ) список таких единиц широкий. В качестве примера приведем некоторые: *брать/взять свое; брать/взять [свое] слово назад <обратно>; в [своем, здравом] уме; идти/пойти <прийти> своей дорогой <своим путем>; [сам] не свой; стоять на [своих] ногах; жить <думать> своей головой; потерять [свое] лицо;*

[161] Ехлакова Н. Ф. Борьба «своего» против «чужого» как универсальный способ существования // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 158-159.

[162] Русский Ассоциативный Словарь [РАС] / Караулов Ю. Н., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – Текст: электронный. – 2002. – URL: Русский ассоциативный словарь (tesaurus.ru) (дата обращения: 25.08.2023).

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

играть/сыграть <вести игру> на чужом поле; за чужой спиной <за чужими спинами>; на чужих плечах; петь с чужого голоса; жить <думать> чужой головой; залезать/залезть в чужую душу; [чужая] душа – потемки[163]. Обращение к данному источнику позволяет дать культурологический комментарий, т.е. вскрыть и описать содержащиеся в ФЕ культурные смыслы, архетипические следы, коды культуры, ее символы, эталоны и стереотипы. В результате систематизации соответствующих словарных статей, можно констатировать, что в основе образа всех выше перечисленных ФЕ лежит «восходящая к архетипическим, т.е. древнейшим коллективно-родовым (надличностным), представлениям оппозиция "свой – чужой"».[164] Так, «своё – это то, что принадлежит самому человеку, роду, "своим" (ср. *своё-родное*)», «в круг "своих" входят люди, близкие по крови (по роду) или по месту обитания» (родня, соседи, друзья, домовой)[165]; «своё как "предмет", которым можно обладать, относится к окружающему человека внешнему миру, противопоставленному внутреннему миру человека»[166]; «"Своё" пространство выступает как то место, где человек может чувствовать себя защищённым, и противополагается "чужому" пространству»[167]. Комментарий к ФЕ с компонентом «чужой» может быть следующим: чужой, или «не свой» – «тот, кто не принадлежит к роду, не живёт вместе со "своими"»[168]; «это, собственно, один из эвфемизмов чёрта, типа не наш, не наша сила, не свой дух или и/хов»[169]. Если компонент "чужой" категоризирует пространство, то оно «грозит опасностями, неприятностями, даже гибелью»[170]. Иногда компонент «чужой» актуализируется как «стереотипное представление о другом, ином лице»[171], как например, в ФЕ «за чужой спиной», где актуализируется желание «Я» занять «позицию пассивного участника ситуации»[172]. В подобных случаях, на наш взгляд, архетипическая оппозиция «свой – чужой» теряет ярко выраженную противопоставленность исходных образов.

Важно, что в силу своей этнолингвокультурной универсальности «свой»/«чужой» могут соотносится практически со всеми кодами культуры, в частности: «с деятельностным (акциональным) кодом культуры (с

[163] Большой фразеологический словарь русского языка [БФСРЯ] / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
[164] Там же.
[165] Там же.
[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Там же. С.612.
[169] Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс: С.-Петерб. гос. ун-т. 1999. – 277 с.
[170] БФСРЯ. С. 212.
[171] Там же.
[172] Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

совокупностью имён и их сочетаний, обозначающих деятельность в целом или отдельные действия и отношение человека к ним)»; «с вещным кодом культуры (объекты и предметы и приписываемые им свойства)»; «с духовным кодом культуры <…> При этом своё представляется лучшим, самым близким, родным» [173]; с антропным, телесным (соматическим) кодами[174]; с цветовым кодом, символизируя в зависимости от цвета опасность (темный, черный) или безопасность (белый, светлый) для человека [БФСРЯ 2010: 730][175].

Таким образом, очевидно, что носители русской лингвокультуры в качестве основных когнитивных признаков оппозиции «свой – чужой» выделяют следующие: пространство – окружающие люди – окружающие предметы. Мы систематизировали реакции ассоциативных полей слов-стимулов «свой» и «чужой» (исключая стимулы типа «мой», «наш», «друг», «враг» и «я», т.к. это очень расширило бы описание полученных данных), причем поиск в базе данных РАС был осуществлен и в прямом, и в обратном порядке. Согласно статистике на стимул «свой» было получено 514 реакций (из них: реакция «чужой» – 50 раз), а на «чужой» – 104 реакции (из них: реакция «свой» – 8 раз); лексема *свой* в качестве реакции на другие слова стимулы (типа «парень», «наш», «в доску») была актуализирована 172 раз; лексема чужой (стимулами выступили номинации типа «свой», «другой», «муж») – 287 раз[176].

Когнитивный признак «пространство» объективируется у лексемы «свой» посредством реакций типа *дом (62), квартира (2), город (1), двор (1), сад (1), пруд (1)*; тоже самое наблюдается в случае с реакциями к стимулу «чужой» – *дом (5), город (1), двор (1)*. Реакции типа *человек (102), парень (34), друг (13), муж (7), брат (4), ребенок (4), люди (3), сын (2), товарищ (2), начальник (1)* составляют когнитивную зону «окружающие люди» стимула «свой»; *человек (20), муж (5), странник (2), друг (1), мужик (1), ребенок (1)* – стимула «чужой». Денотативное пространство (когнитивный признак «предметы») представлено достаточно широко: «своими» респонденты считают *автомобиль (3), плащ (3), чемодан (3), предмет (2), учебник (2), альбом (1), ботинок (1), галстук (1), ключ (1), сундук (1), чайник (1)*; «чужими» – *предмет (2), учебник (1), стакан (1), сапог (1)*[177]. Обратный поиск только подтверждает и расширяет (детализирует) данные, полученные путем прямого запроса реакций на заданные стимулы. Так, у респондентов вербальная реакция *свой* проявилась на стимулы типа «парень» (18), «угол» (7), «человек» (3), «берег» (2),

[173] Там же. С. 49-51, С. 612.
[174] Там же. С. 519.
[175] Там же. С. 730.
[176] РАС.
[177] Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

«муж» (2), «огород» (2), «родной» (2), «район» (1), «ребенок» (1), «телефон» (1), «товар» (1). *Чужой* как лингвокогнитивная реакция в словаре представлена шире: «муж» (10), «дядя» (10), «ребенок» (6), «карман» (3), «берег» (3), «прохожий» (3), «брат» (2), «двор» (2), «кров» (2), «район» (2), «велосипед» (2), «город» (1), «жених» (1), «кошелек» (1), «мальчик» (1), «огород» (1), «товарищ» (1)[178]. Очевидно, что реакции носителей русского языка в большинстве своем стереотипны и обусловлены, как правило, узуальными синтагматическими и парадигматическими отношениями. Данное противопоставление прочно укоренилось в языковом сознании русского человека и составляет основу его картины мира, в том числе и языковой.

Таким образом, оппозиция «свой – чужой» восходит к истокам культуры и является базовой в восприятии мира человеком, однако вербализаторы ее компонентов могут меняться с течением времени, что обусловлено влиянием социальных факторов. Проекция архетипов «своего» и «чужого» на тексты авторов, мировоззренческие взгляды которых формировались в процессе аккультурации и инкультурации двух и более этносов, открывает перспективы выявления особенностей влияния культурной среды на их сознание.

Маркеры «свой» и «чужой» как базисы индивидуальной картины мира Якова Иккеса

При анализе и описании бинарной оппозиции «свой – чужой» в контексте романа Я. Иккеса на «Задворках распятой страны» важно учитывать экстралингвистические факторы (в частности, историко-политический контекст и личную биографию автора) как концептуально значимую пресуппозицию, поскольку именно она позволяет наиболее точно и объективно говорить об авторской лингвопрагматике.

Самоидентификация главного героя в романе лексически определяется через вербальные маркеры, входящие в оппозиционные модели «свой – чужой»; «дом – бездомье»; «немец – русский». В рамках анализируемого текста бинарная модель «свой – чужой» объективируется сквозь призму социально-политической и этнической парадигм, по этой причине можно говорить о двух уровнях ее реализации: первый – социально-политический, связанный с разностью политических взглядов в период власти Советов; второй – этнический, связанный с поисками героем собственного «Я», и его размышлениями о национальной принадлежности к русским или немцам.

[178] Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Следуя цели настоящей статьи, рассмотрим и обозначим специфику лингвоментального существования личности автора, трансформацию его мировосприятия и самоидентификации.

Историко-политический контекст и социально-личностная самоидентификация автора

Социально-политическое противостояние «своего» и «чужого» лексически актуализируется в тексте через классические вербализаторы – притяжательные местоимения «наш – не наш», объединяемые в концептуально значимую антиномию. Осознание, что мир неоднороден, проникает в детское сознание Яши, автора-героя текста, при просмотре в клубе кинокартины «Ленин в Октябре»: «Этот фильм оказал решающее влияние на мое детское представление *„о наших“* и *„не наших“*»[179]. Именно тогда он задумывается о возможности разобщения людей в силу их противоречивых политических убеждений: действие романа происходит в начале XX века, период, когда на смену монархии приходит советская власть и начинает свое существование другая Россия. Происходящие исторические события в стране нашли отражение в романе, что обнаруживается лексически в появлении контекстуальных номинативов, формирующих индивидуально-авторское восприятие и воплощение «своего» и «чужого» как через реальные исторические маркеры, так и через номинации, вызванные к жизни социальными изменениями: «*Ленин*, *рабочие*, *крестьяне*, *матросы* и *бедняки* – это *наши*. *Царь*, *буржуи*, *капиталисты*, *помещики*, *интеллигенты*, *богачи*, *попы* – это *враги*»[180]. В совокупности местоимения как узуальные вербализаторы «своего – чужого» и номинативы образуют своеобразные коннекторные ряды (родо-видовые повторы со словами по сути разных лексико-семантических групп), в контексте детализирующие семантику противопоставления. В данном случае «наши – не наши/враги» выполняют функцию обобщения и на синтаксическом, и на когнитивном уровнях организации информационного пространства, четко актуализируя авторскую лингвопрагматику. В другом примере: «– Директор, наша учительница, дядя Гриша, Голованов – это *наши*. Они за *Ленина*, значит, – за *нас*. Это нашенские, – шумели мы в школе, перебивая друг друга»[181], просторечная лексема «нашенская», входящая в речевой оборот Яши и его друзей, выражает уверенность в том, что их окружают «свои», преданные власти люди с правильными политическими взглядами.

[179] Иккес Я. Там же.
[180] Иккес Я. Там же.
[181] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Маркером компонента «чужой» выступает номинатив «враг», представленный рядом контекстуальных «детализаторов» (родо-видовых повторов), которые уточняют его план содержания и расставляют смысловые акценты: «*Царь*, *буржуи*, *капиталисты*, *помещики*, *интеллигенты*, *богачи*, *попы* – это *враги*»[182], а также словосочетание *враг народа»*: «…Ух, гады! Что такое – *«враг народа»*?»[183]. Такие единицы характерны в целом для русской картины мира: в первом случае наблюдается полное соответствие традиционному архетипичному представлению, во втором – наблюдается актуализация отношения к людям, несогласным с политическим курсом страны. Это подтверждается данными РАС: *чужой* <=> *враг* – концептуально обусловлены[184].

Взгляды автора-героя на социально-политическое устройство в стране меняются вместе с взрослением писателя в лице его героя. Сначала это по-детски наивная вера во власть Советов: «Свою собственную слепоту и веру в светлое коммунистическое завтра автор тоже не скрывает: он правдиво описывает примеры постепенного прозрения и освобождения от большевистской пропаганды, вбитой ему в школе с детских лет»[185].

Затем – сомнение в справедливости действующего режима и последующее полное непонимание и неприятие во взрослые годы. Так, в предисловии к роману сам автор подчеркивает ненависть к власти, называя ее метафорически «сатанинской машиной»: «… эта сатанинская машина полоскания мозгов, запущенная большевиками в начале столетия, внедряла уверенность в необходимости мировой революции и бессмертии идей марксизма-ленинизма»[186].

В романе детский мир Якова Иккеса, устоявшийся, понятный, делимый на черное и белое, «своих» и «чужих» претерпевает серьезную трансформацию, существенную роль в которой сыграли репрессивные меры власти по отношению к инакомыслящим, называемых изменниками народа. Лексически это изменение сознания автора-героя в тексте актуализируется через антонимическую парадигму «наш – не нашенский»: «В голове роем кружились мысли: «Бежать – от кого и зачем? *Нашенский* директор оказался «*не наш*»!..»[187]. Местоимение «наш» («свой») объективируется с целью уточнения

[182] Иккес Я. Там же.
[183] Иккес Я. Там же.
[184] РАС.
[185] Гизбрехт А. Слово о книге/ А. Гизбрехт. – Текст: электронный // Литературный портал российских немцев. – URL: https://rd-autoren.de/component/astrasite/article.html?id=51 (дата обращения: 24.09.2023).
[186] Иккес Я. Там же.
[187] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

через контекстуальные синонимы и обороты, составляющие целую фразу: «*Наша* любимая учительница и – туда же?.. Нет, нет и не-е-ет! Людмила Васильевна *не враг*, она *самый лучший в мире человек.* Я засыпал со слезами на глазах, с комом в горле от обиды на людскую несправедливость»[188]. Это первые серьезные противоречия в сознании героя, когда конвенциальная система ценностей в одночасье перевернулась: «свои» (добрые, хорошие, любимые) стали, точнее – объявлены, вдруг «чужими» (не нашими, плохими, врагами). Герой мальчик, а вместе с ним автор, такую трансформацию не готов принять ни умом, ни сердцем: он точно определяет причину происходящего как «людскую несправедливость». В этом смысле концептуальным становится замечание С. Г. Воркачева: «…в русском языке уже запечатлена модель разделения моральных и институциональных категорий: правда у нас отлична от правосудия, а закон от совести»[189].

В индивидуальной картине мира автора-героя контекстуальным синонимом по отношению к вербализатору «враг», выступает номинатив *фашист* (их взаимосвязь не нашла отражения в БД РАС[190]), появляющийся в тексте в связи с начавшейся Великой отечественной войной 1941-1945 гг. Отношение Я. Иккеса, российского немца, к фашистам крайне негативное, как и у представителей всех национальностей, проживающих в СССР. Автор через весь роман проводит мысль о неправомерности отождествления фашистов и российских немцев: «… мы с Петькой бегали вокруг и радовались, что наши отцы будут, наконец, бить *проклятых фашистов*! Мы гордились и завидовали им. «Как жаль, что мы еще несовершеннолетние. Мы бы дали им прикурить!»[191]. Авторская лингвопрагматика прозрачна: адъектив «проклятый», употребляемый в сочетании с номинативом «фашист» (такая синтагматика в сознании носителей языка стала стереотипной: см. БД РАС[192], выполняет ярко выраженную оценочную функцию и выражает преданность российских немцев, как граждан СССР/России, своей родине.

Великая Отечественная война, объявленная Германией Советскому Союзу, сделала невыносимой жизнь российских немцев, они стали подвергаться еще более жестким притеснениям. Реальные исторические события закономерно послужили поводом для переосмысления автором-героем своих взглядов на существующий в стране политический режим и сформировать четкое понимание того, что российские немцы этой стране не нужны.

[188] Иккес Я. Там же.
[189] Воркачев С. Г. Там же
[190] РАС
[191] Иккес Я. Там же.
[192] РАС

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

В тексте это выражается через актуализацию новой бинарной оппозиции *«они – мы»* (маркер модели «свой – чужой»), где «мы» – это немцы, чужие, а «они» – свои – представители Советской власти, необоснованно подвергшие российских немцев геноциду: «У меня из головы не выходила баржа, потопленная чекистами на Каспии вместе с такими же, как *мы*, *немцами*»[193].

Таким образом, индивидуально-авторская когнитивная модель «свой – чужой», предстающая фрагментом конвенциональной картины мира, в сознании Якова Иккеса как представителя российских немцев в целом опирается на русское стереотипное мировосприятие, понимание и трактовку «своего» и «чужого». На экстралингвистическом уровне это выражается традиционным восприятием «своего» в качестве нормы, а человека, отвечающего ей, как родного, близкого, «чужого» как отклонение от нормы, и, следовательно, человека, обладающего таким набором качеств, как далекого, непонятного. На лингвистическом уровне репрезентация дихотомии воплощается через классические модели: «наш / нашенский – не наш», «мы – они».

Этнолингвокультурная самоидентификация личности

Оппозиция «свой – чужой» реализуется через вторую парадигму, связанную с этнокультурным языковым сознанием. Этническая принадлежность человека – форма социальной организации культурных различий, которая определяется, как правило, по рождению в определенной общности. Осознание человеком своей идентичности, в том числе и национальной, происходит сквозь призму «своего» и «чужого». Процесс этнокультурной самоидентификации у разных этносов происходит по-своему. У Я. Иккеса как носителя в большей мере русской культуры отождествление себя с представителями конкретной этнической группы происходит с опорой на русскую ментальность. Исследования, посвященные изучению восприятия «своего» – «чужого» русскими и «seine» – «fremden» немцами, позволяют прийти к выводу, что в немецкой лингвокультуре личность выражает свое отношение к группе, т.е. на первый план выдвигается межличностный уровень отношений, в русской лингвокультуре, напротив, личность интегрируется в группу, поэтому на первый план выходят межгрупповые отношения[194]. Иккес на протяжении длительного времени находился в поисках своей этнической принадлежности, но в детские годы, понимая, что он потомок российских немцев, все же причислял себя к русской культуре, русскому этносу, главным образом по той причине, что средством его коммуникации являлся

[193] Иккес Я. Там же

[194] Шкуропацкая М. Г. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

только русский язык: «*Русским*, конечно! Теперь нас *"руссен"* было уже четверо. Ого-го! Нас голыми руками не возьмешь!»[195]. Выдвинутое выше положение позволяет утверждать, что автор-герой принадлежит к русской культуре не только по причине того, что он изначально носитель русского языка, но и как представитель русской ментальности.

Концепция этнической принадлежности Я. Иккеса изначально строится через традиционную в русской системе ценностей бинарную модель «свой – чужой», которая претерпевает значительную трансформацию и в последующем выражается, в том числе и в языковом плане, через другие дуальные модели «я/мы – другой/ чужой». Прежде всего нужно отметить, что основа картины мира автора-героя относительно своей этнической принадлежности и отношения к другим народа строится на аксиологии этнической толерантности, т.е. уважении других этносов, принятии их мировоззренческих и культурных взглядов, в результате чего он выходит за пределы своего и входит в другие культурные миры (процессы аккультурации и инкультурации). Это обусловлено экстралингвистическими факторами: российские немцы большую часть своей жизни провели в скитаниях по России / СССР, поскольку подвергались непрерывным гонениям сначала со стороны монархической, а затем и советской власти. Скитальческий образ жизни способствовал налаживанию их контактов с представителями других наций, зачастую с целью выживания. Это отчасти способствовало формированию толерантного отношения и уважения автора-героя к людям других национальностей, умению жить с ними в мире, знакомиться с их культурой и принимать их традиции, обычаи, т.п.: «Из квартир разносился по коридору запах национальностей: *у немцев* – жареные семечки, *у русских* – кислая капуста, *у украинцев* – картошка в мундирах, *у калмыков* – протухшее мясо, *у татар* – кислый запах выделанных шкур…»[196]. Положительное отношение к представителям других национальностей выражается через нейтральные или семантически положительные лексемы-маркеры, позволяющие создать картину мирного этнолингвокультурного сосуществования: «Питались *сообща*… Наевшись, довольные, *шутили* и беззаботно *хохотали*. *Общались* с калмыками мимикой, руками и даже ногами»; «… дядя Филипп вернулся вскоре в сопровождении знакомого Калмыка. *Дружелюбно улыбаясь*, он повел нас к себе»[197]. Такое толерантное отношение выражается в частичном

[195] Иккес Я. Там же.

[196] Иккес Я. Там же.
[197] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

заимствовании культуры других этносов: «На мне были новенькие штанишки, белые носки, сандалеты… поверх всего этого – белая льняная рубашка, доходившая почти до колен (… сшита руками мамы). *Украинский орнамент по нижней кайме, по воротнику и рукавам вышивала она цветными нитками больше месяца* – хотела, чтобы ее чадо выглядело на празднике лучше всех»[198].

Автор-герой в детские годы далек от культуры своих предков-немцев, что выражается главным образом в незнании немецкого языка, и это, конечно, не может не вызывать негативное к нему отношение со стороны коренных немцев и восприятии его как «чужого среди своих». Причисление себя к русскому этносу Иккесом происходит на основе русскоязычной коммуникации. Однако, рассматривая этническую парадигму, на наш взгляд, здесь уместнее говорить о реализации лингвистической дихотомии «я/мы – другой/другие». Мы находим вторую оппозицию удачнее первой именно применительно к анализируемому произведению, поскольку этническая оппозиция «свой – чужой» предполагает противостояние разных наций. Яш(к)а / Яков не считает немецкую нацию чужой, он признает и принимает тот факт, что он выходец из российских немцев, но в то же самое время понимает, что он другой, и его чуждость по отношению к немцам проявляется в незнании немецкой культуры, в не владении немецким языком. И в этом смысле он, конечно, «другой», «иной», отличающийся от коренных немцев, но тем не менее не чужой для них.

Яков позиционирует себя в большей степени как «русский», его аккультурация и восприятие ценностей русского народа, отождествление себя с русскими происходит через язык. Показательной в этом плане является самопрезентация посредством русскоязычного аналога *Яков/Яша* немецкому имени *Якоб*: «… девчонка моего возраста назвала себя Эммой и тут же спросила: – А тебя как звать? – *Яша-а-а-а*, – назвал я свое имя, *по-русски*. – *Яяша, яш*, – ворочала она языком. – Значит, *по-немецки Якоб*»[199]. Варианты одного антропонима обусловлены этнолингвистически: так, имя *Яша,* являясь в контексте лексическим маркером компонента «свой», сигнализирует о самоидентификации автора-героя, тогда как имя *Якоб* воспринимается в качестве маркера второго компонента – «чужой». Такое противопоставление особенно актуально в детстве автора-героя, поэтому в тексте явно читается противостояние между детьми немцев и детьми российских немцев

[198] Иккес Я. Там же.
[199] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

особенно в школьную пору, выражаемое лингвистически через номинативы с негативной, даже уничижительной окраской: «Встретившись, мы «шпарили» на русском, матерились, ругали этих *гансов*, обзывая их *"штрулями, фрицами"*, точно так, как нас обзывали *русские* в тех школах, где мы до этого учились»[200]. Распространенное немецкое имя *Ганс* в тексте типизируется, обобщается и выступает в роли оскорбительного именования всех немецких мальчишек. *Фриц* – также немецкое имя, ставшее прозвищем немцев во время Мировых войн. *Штрули* образовано от названия немецкого блюда с мясом, картофелем и кусочками теста. Все эти номинации, изначально обладающие нейтральной семантикой, получают негативную оценку в речи героев романа: Яков и его друг Петька используют их как прозвища для немецких детей. И в этом смысле они противопоставляют себя немцам, именно по этой причине здесь можно говорить о наличии оппозиции «свой – другой». Немецкие же мальчишки Потаповки причисляли их к русским, поэтому так часто употребляется эта номинация по отношению к Яшке и Петьке: «Прослышав про нас, *"русских" забияк*, к нам потянулись русские ребята и девчата, учившиеся в этой школе с первого класса и владевшие чистым литературным немецким языком»[201].

Для остальных взрослых немцев Яков и его семья, так же, как и другие семьи российских немцев, «чужие»: «Люди у калиток… с любопытством встречали и провожали глазами невесть откуда прибывших *"чужаков"*»; «Мы, *приезжие*, были для них *чужими*»; «Рассказав тем временем, что я *приезжий*, что жил много лет в "братской семье" народов СССР, что *не знаю родного немецкого*, завуч попросил учителя и учеников, чтобы они мне во всем помогали»; «Они … презирали *заезжих*. Прижиться было очень трудно. Это мы испытали на себе»[202]. Очевидно, «чужой» репрезентируется через лексемы *«чужак»*, *«чужой», «приезжие», «заезжий»,* словосочетание *«чужое стадо»*, наделенные в тексте крайне негативной семантикой.

При анализе этнонимов «русский – немец» как компонентов универсальной дихотомии «я/мы – другой/другие» важно сказать и о закономерно вытекающей из этой модели другой контекстуально и ситуативно обусловленной оппозиции *«русский язык – немецкий язык»*. Полагаем, что рассмотрение этой пары возможно в рамках все той же оппозиционной модели «русский – немец», поскольку причисление человеком себя к тому или иному этносу осуществляется в первую очередь через общность языка. Герой-

[200] Иккес Я. Там же.
[201] Иккес Я. Там же.
[202] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

повествователь, переехав в немецкое село Потаповка, столкнулся с незнанием родного немецкого языка, поскольку с детства он общался только на русском языке: «Я *несвязно болтал по-немецки*, они, коверкая слова, *изо всех сил старались освоить русский*, но из-за того, что их было большинство, *им так и не удавалось освоить русскую разговорную речь* …»; «Учебный год *в немецкой школе* я закончил на двойки. Зато по математике и *русскому языку* стояла оценка "5"»; «…по решению правительства Нем-Потаповская средняя школа переводится на *русский язык* … Мы с Петькой, конечно, *ликовали*. Но каково было местной *немчуре*, *не знавшей ни слова по-русски*!? *Да и русским детям*, которые с малых лет учили *немецкий*, было нелегко»[203]. В самом же романе конфликт между Яшей и его другом Петей с мальчишками из села Нем-Потаповка завязывается прежде всего на почве этнической неприязни: Яша «чужак» не потому что он не немец, а по той причине, что он немец, не знающий родного языка, иными словами Иван родства не помнящий: «В художественной самодеятельности *из-за незнания немецкого меня и Петьку* использовали на пирамидах да ещё мы открывали и закрывали занавес»[204].

Однако заметим, что трансформация сознания главного героя стирает резкие грани различия между русскими и немцами, и постепенно он учится принимать и воспринимать себя как российского немца. В контексте это выражается в употреблении по отношению к себе номинации *«немчура»,* причисляющей его к немецкой нации: «*Из русскоговорящей немчуры* я был один, не считая классной руководительницы Евдокии Петровны»[205]. И в то же время процесс аккультурации, т.е. взаимопроникновения двух разных культур приводит к лексическому взаимообмену: «В немецкой речи появились русские слова: люблю, милая, красотка, цыпонька, ненаглядная или ругательские: корова, кобыла...»[206].

Итак, этническая концепция авторской картины мира реализуется через модель «я/мы – другой/другие», являющуюся частью общей архетипической оппозиции «свой – чужой», языковыми вербализаторами которой выступают прежде всего традиционные для русской культуры «стабильные» лексемы, способные работать как в контексте, так и вне его («русский – немец», «русский язык – немецкий язык»). Ситуационные лексемы-маркеры типа «гансы», «штрули», «фрицы» и др., наделенные негативной семантикой, обобщая и

[203] Иккес Я. Там же.
[204] Иккес Я. Там же.
[205] Иккес Я. Там же.
[206] Иккес Я. Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

типизируя представителей немецкого этноса, обусловлены ситуацией контекста. Актуальность подобного (экстра)лингвистического анализа сквозь призму обозначенной бинарной оппозиционной модели с обнаружением как традиционных для русской культуры, так и индивидуальных маркеров дает возможность для более глубокого понимания картины мира, «Я-концепции» Якова Иккеса.

Заключение

В заключении отметим, «свой» и «чужой» – ментальные единицы, «константы культуры»[207], посредством которых происходит «погружение в лингвокультуру» и, следовательно, «вербализация культурного смысла»[208], социально значимого контекста, при этом аксиологически, психически обусловленные, поскольку «переживаются эмоционально при попадании в фокус сознания»[209]личности.

Универсальное противопоставление «свой – чужой» прочно укоренилось в коллективном языковом сознании и составляет основу лингвоментального существования русского человека, поскольку сами номинации включены «в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка»[210], что подтверждается данными разнообразных лексикографических источников, в частности, словаря русской культуры, большого фразеологического словаря русского языка, пословиц и поговорок, русского ассоциативного словаря и др. Как правило, основными когнитивными признаками оппозиции «свой – чужой» для носителей русской этнолингвокультуры становятся «пространство», «окружающие люди», «окружающие предметы». Более того, «свое» и «чужое» всегда аксиологически, эмоционально, т.д. обусловлено: положительно и/или отрицательно соответственно (с возможными небольшими отступлениями от «нормы»).

«Свое» и «чужое» – базисы, посредством которых человеком осуществляется дифференциация, концептуализация, категоризация всего сущего: мира (реального и умопостигаемого), себя и других в нем. Границы собственного «Я» человека определяются только в сопоставлении с «чужим», «другим», очерчивая границы «себя» человек, как принято считать в философии, создает собственный микрокосм. Так проявляется этнокультурная отмеченность, осуществляется самоидентификация личности.

[207] Степанов Ю.С. Там же.
[208] Воркачев С. Г. Там же.
[209] Там же.
[210] Там же.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Лингвистический анализ текста через призму триединства «язык – культура – нация» оппозиции «свой – чужой», изучение биографических сведений о писателе в качестве эсктралингвистического фактора (пресуппозиции), который помог глубже понять и проникнуть в «Я-концепцию» автора, позволили прийти к выводу, что Яков Иккес (автор и герой произведения в одном лице) через долгие годы приходит к полному осознанию и принятию того, что он российский немец Поволжья, поскольку именно Поволжье он считает своей малой родиной, а большой родиной – всю Россию. Он демонстрирует свою принадлежность к географическому, культурному и духовному пространству своего села и страны, желание выразить отношение к этой земле, единение с её народом, однако Я. Иккес, как и любой российский немец, находящийся вдалеке от своей родины, осознает, что он «чужой среди своих». Как результат возникающие трансформация сознания и когнитивный и психоэмоциональный диссонанс.

Общность двух моделей реализации универсальной лингвистической оппозиции «свой – чужой», таким образом, в контексте романа Я. Иккеса «На задворках распятой страны» претерпевает существенную трансформацию вместе с изменениями в сознании самого автора-героя: от стремления к юношескому максимализму и вытекающему из этого дуальному делению мира на черное и белое до появления оценочной системы «хорошо – нейтрально – плохо», которая приводит его сознание, на наш взгляд, в состояние равновесия.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Заключение

В завершение этой монографии необходимо подчеркнуть важность проведенных исследований и их вклад в понимание культурных диалогов в мировой литературе. Авторы собрали множество данных и анализов, которые подтверждают, что язык и культурная идентичность играют существенную роль в формировании литературных произведений. Понимание того, как язык, культура и архетипы взаимодействуют в литературном процессе, помогает нам лучше осознать сложные взаимосвязи между различными культурами и языками.

В итоге, данная монография приглашает читателей на исследовательский путь, который поможет им глубже понять и оценить значимость культурных диалогов в мировой литературе и их роль в формировании нашего мировоззрения и культурной самоидентичности. Мы надеемся, что эта работа будет полезным вкладом в область исследований литературы и культурных наук и вдохновит новые поколения исследователей на продолжение этого увлекательного пути анализа и понимания культурных диалогов в мировой литературе.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Библиографический список

1. Абдукаримова К. Р., Влавацкая М. В. Лексико-фразеологическое поле «Любовь» в русском, английском и казахском языках
2. Абдукаримова К. Р. Idiomatic Representation of the World in Kazakh and English Languages and Cultures // Актуальные проблемы современного общества : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции молодых учёных / под ред. И. А. Казачихиной, С. Ю. Полянкиной. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 12-16.
3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
4. Амин А. Д., Абдилова Г. Г. Особенности функционирования идиом в английском, русском и казахском языках // Молодежный научный форум: Оставь свой след в науке. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XXII междунар. студ. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МЦНО, 2015. № 3(21). С. 11-17.
5. Атанова Г. Ю. Фразеология в межкультурной коммуникации // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов VII Международной научной конференции. 17 ноября 2021 г. Макеевка. Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. 2021. С. 116-121.
6. Афанасьев, А. Н. Древо жизни. Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М., 2004. 576 с.
8. Балакина, Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «свое» / Е. И. Балакина // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 73 – 82.
9. Балута А. А., Орлова Н. Н. Психолингвистические особенности формирования современной фразеологии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. С. 211-227.
10. Балясникова, О. В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка) / О. В. Балясникова. – М.: Канцлер, 2016. – 202 с.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
12. Белозёрова Е. Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка // Вестник ТГПУ. 2020. 5 (211). С. 80-87.
13. Богин Георгий Исаевич. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дис... докт. филол. наук. – Ленинград, 1984.
14. Болғанбаев Ә., Қалиев Ғ. Қазіргі қазақ тілінің лексикологиясы мен фразеологиясы. Алматы: Дәуір, 2003. 242 б.
15. Большой фразеологический словарь русского языка [БФСРЯ] / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

16. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

17. Бубер, М. Я. Я и Ты / М. Я. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.

18. Ваганова Елена Геннадьевна. Возможности анализа языковой личности как структурного образования: лексический аспект [Текст] / Е.Г. Ваганова // Сибирский педагогический журнал № 6. Новосибирск, 2008. С. 148 – 154.

19. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 232 с.

20. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.

21. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

22. Виноградов Виктор Владимирович. О языке художественной прозы: избр. тр. Москва: Наука, 1980. 360 с.

23. Виноградова, Л. Н. Человек/нечеловек в народных представлениях / Л. Н. Виноградова // Человек в контексте культуры. – М.: Славянский мир. Индрик, 1995. – С. 17 – 26.

24. Влавацкая М. В., Зайкина З. М. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-1 (89). С. 88-92.

25. Воркачев, С. Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в лингвокультуре: монография / С.Г. Воркачев. – М.: Инфра-М, 2016. – 150 с.

26. Воробьев В. В. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие / - М.: Ладомир, 2006. – 286 с.

27. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5-17

28. Гизбрехт, А. Слово о книге/ А. Гизбрехт. – Текст: электронный // Литературный портал российских немцев. – URL: https://rd-autoren.de/component/astrasite/article.html?id=51 (дата обращения: 24.09.2021).

29. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1: А-Л. М.: Издательство Lingua, 2005. 1168 с.

30. Ехлакова, Н. Ф. Борьба «своего» против «чужого» как универсальный способ существования / Н. Ф. Ехлакова // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 157 – 161.

31. Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986. 312 с.

32. Жумсакбаев А. Т. Этнокультуроведческий аспект изучения фразеологизмов русского языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (789). С. 51-59.

33. Ивыгина, А. А. Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности: на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова // ФИЛОLOGOS. – 2017. – № 34 (3). – С. 49 – 54.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

34. Ирхин, Ю. В. Политология: учебник / Ю. В. Ирхин. – М.: Юристъ, 2010. – 511 с.

35. Исабеков С. Е. Универсалии, фреквенталии и уникалии в системе пословиц неродственных языков. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003. С. 23-28.

36. Кайдаров А. Т., Сатенова С. К. Компаративные фразеологизмы, связанные со скотоводством, в казахском языке. Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1989. № 4. С. 23-26.

37. Калита И. В. Актуальные вопросы современной славянской фразеологии: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. 136 с.

38. Калита И. В. Идеи Яна Мукаржовского в контексте начал (структурализма и двух веков). In: Stereotypes in Literatures and Cultures. International reception studies. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 107-118.

39. Карасик, Владимир Ильич. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик ; Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика" . - М. : Гнозис, 2004. - 389, [1] с.

40. Караулов, Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю. Н. Караулов. - 3-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 263 с.: ил.

41. Карымсакова Р. Д., Смагулова Г. Н. Казахский язык. Страноведение через фразеологизмы. Алматы: Ж1бек жолы, 1997. 76 с.

42. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / / Язык, сознание, коммуникация/. М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.

43. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

44. Кожахметова Х. К., Жайсакова Р. Е., Кожахметова Ш. О. Казахско-русский фразеологический словарь / Под ред. А. С. Аманжолова. Алма-Ата: Мектеп, 1988, 224 с.

45. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 311 с.

46. Колесов, В. В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 136 с.

47. Комаров, А. И. Региональное самосознание, территориальное самосознание / А. И. Комаров. – М.: Наука, 2007. – 465 с.

48. Контанистова А. И. Семантические особенности идиом с цветовым компонентом в деловой фразеологии английского языка // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2023. № 3. С. 60-63.

49. Красильникова, М. Б. «Свое» и «чужое» пространство в картине мира русской культуры при переходе от традиционного к нововременному периоду / М. Б. Красильникова // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 39 – 48.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

50. Крывелев, И. А. История религий: очерки: в 2 т. Т. 1 / И. А. Крывелев. – М.: Мысль, 1988. – 445 с.

51. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

52. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 344 с.

53. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: монография / под ред. Е. Н. Азначеевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 229 с.

54. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

55. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

56. Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997. 1056 с.

57. Лұғат сөздіктері [Электронный ресурс]. URL: http://lugat.kz (11.05.2019). Загл. с экрана.

58. Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013. 277 с.

59. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1991. – 218 с.

60. Мамбеева, А. С. Изучение русской этнической самоидентичности: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. С. Мамбеева. – М., 1995. – 16 с.

61. Марченко, Г. И. Этнополитология как наука // Г. И. Марченко // Социально-политический журнал. – 1994. – №. 3. – С. 57 – 69.

62. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

63. Матвеичева, Т. В. «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры / Т. В. Матвеичева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – С. 117 – 119.

64. Мокиенко, В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс: С.-Петерб. гос. ун-т. 1999. – 277 с.

65. Никитина, С. Е. «Свое – чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп // С. Е. Никитина // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 33. – С. 76 – 91.

66. Николин, В. В. Волшебная сказка: структуры воспроизводства культуры: монография / В. В. Николин. – Екатеринбург: Старт, 2000. – 327 с.

67. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование. 2018. 1375 с.

68. Опарина Е. О. Фразеология в контексте культуры: репрезентация культурных кодов во фразеологизмах и паремиях // Этнопсихолингвистика. 2023. № 2 (13). С. 21-36.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

69. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.: Наука, 1988. 236 с.

70. Пивоваров, Д. В. Философия религии: учеб. пособие / Д. В. Пивоваров. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 640 с.

71. Пивоев, В. М. «Свой» против «чужих»: (проблема героя в русской культуре) / В. М. Пивоев // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. – Петрозаводск, 2001. – Вып. 2. – С. 14 – 20.

72. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Русский язык и языковая личность. Воронеж: «ИСТОКИ», 2007. 252 с.

73. Попова З. Д., Стернин И. А., Беляева Е. И. Полевые структуры в системе языка: монография. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. 196 с.

74. Попова З.Д., Стернин И. А. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Комплекс «Графика», 2010. 146 с.

75. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

76. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 336 с.

77. Прохоров, Юрий Евгеньевич. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст]: монография / Ю.Е. Прохоров. - М.: Педагогика-Пресс, 1996. - 215 с.

78. Русский Ассоциативный Словарь [РАС] / Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. – Текст: электронный. – 2002. – URL: Русский ассоциативный словарь (tesaurus.ru) (дата обращения: 25.08.2021).

79. Сазонова И. К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. Калифорнийский университет: Издательство лит-ры на иностранных языках, 1963. 135 с.

80. Салимова, Д. А. Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов) / Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова, И. Е. Крапоткина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 134 – 139.

81. Сентенберг Ираида Владимировна. Языковая личность в коммуникативно- деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14 – 24.

82. Смагулова С. С. Тип языковой политики в Казахстане. Язык и культура; функционирование и взаимодействие // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003. 166 с.

83. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1998. 260 с.

84. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

85. Стернин И. А., Чубур Т. А. Контрастивная лексикология и лексикография: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 341 с.

86. Стернин И. А. Контрастивный анализ в современной лингвистике. С любовью к слову. Festschrift for Arto Mustajoki. Хельсинки, 2008. С. 390-402.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

87. Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 161с.

88. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение и новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7 – 22.

89. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Школа «Языки русской культуры», 1986. 141 с.

90. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – 624 с.

91. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.

92. Уәлиев Н. М. Фразеология және тілдік норма. Алматы: РБК, 1999. 115 б.

93. Фельде, Е. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. … канд. филос. наук / Е. Г. Фельде. – М., 2015. – 152 с.

94. Фитц, А. О литературе и самоидентичности российских немцев / А. Фитц // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию)», 24-27 августа 2012 г. – М.: МНСК-пресс, 2013. – С. 638 – 655.

95. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука. – 2015. – 208 с.

96. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.

97. Шанский Н.М., Боброва Т.А.. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов. 7-е изд., стер. Москва : Дрофа, 2004.

98. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры / Е. Н. Шапинская. – М.: КРАСАНД, 2012. – 216 с.

99. Шкуропацкая, М. Г. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) / М. Г. Шкуропацкая, Ундармаа Даваа. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1(39). – С. 80 – 95. – URL: DOI: 10.17223/19986645/39/7 (дата обращения: 20.08.2021).

100. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М.: Эксмо, 2001. – 216 с.

101. Щирова, И. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: монография / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 171 с.

102. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974. 256 с.

103. Agricola E. Worter und Wendungen. Worterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig. Bibliographisches Institut. 1962. S. 792.

104. Bolinger D. Degree words. The Hague - Paris, 1972. 324 p.

105. Cambridge Advanced Learner's Dictionary 4th edition / C. McIntosh. London: Cambridge University Press, 2013. 1890 p.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

106. Fedulenkova T.N. Pragmatic functions of modern English Phraseology // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. №2. С. 74-83.

107. Fontenelle T. Using a Bilingual Dictionary to Create Semantic Networks // International Journal of Lexicography. London: Oxford University Press, 1998. P 275-303.

108. Ghazala H. Idiomaticity between evasion and invasion in translation: Stylistic, aesthetic and connotative considerations / Babel. Paris: John Benjamins Publishing, 2003. № 49 (3). P 203-227.

109. Ivanova E. On the three lines of the cognitive analysis of phraseology // Russian Linguistic Bulletin, 2022. №8. DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.2 (дата обращения 18.09.2023).

110. Makkai. A. Idiom Structure in English. The Hague, 1987. 380 p.

111. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.etymonline.com / (17.10.2023). Загл. с экрана.

112. Oxford dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/love (17.10.2023). Загл. с экрана.

113. Seidl J., McMordie W. English Idioms. 5th edition. Oxford University Press, 1988. 272 p.

114. Smith L. P. Phraseology of the English Language. M.: 1998. 208 p.

115. Trask R. L. Dictionary of English Grammar. London: Routledge, 2000. 254 p.

116. Trier J. Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung // Die Neue Jahreszeitsdirift für Wissenschaft und Bildung der Jugend. B., l934. Bd. 10. S. 428-449.

117. Webster N. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster Inc., 2016. 960 p.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Сведения об авторах

Ваганова Елена Геннадьевна,	*старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета*
Влавацкая Марина Витальевна	*доктор филологических наук, профессор, профессор Новосибирского государственного технического университета*
Данилова Юлия Юрьевна	*к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института КФУ"*
Ивыгина Алена Александровна	*к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литерату Елабужского института КФУ*

Электронное научное издание

сетевого распространения

Культурные диалоги в мировой литературе: переплетение языков, идентичностей и идей

монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

9 781446 689059

Усл. печ. л. 4,3
Объем издания 1,8 MB
Оформление электронного издания: НОО
Профессиональная наука, mail@scipro.ru
Дата размещения: 25.10.2023г.
URL: http://scipro.ru/conf/monograph_201023.pdf.